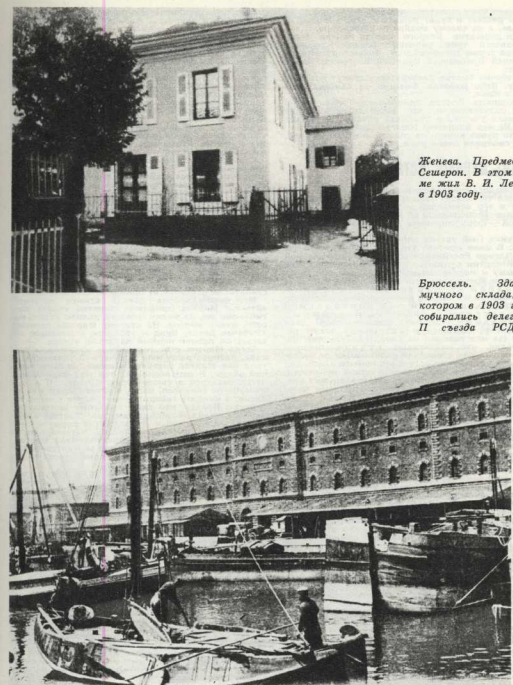

№ 10 май 1967 ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОД ОКТЯБРЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

Женева. Предметье Сеешор. В этом доме жил В. И. Ленин в 1903 году.

Брюссель. Здание мучного склада, в котором в 1903 году собирался I съезд РСДРП.

«Самая деловая и работоспособная»

Летом 1903 года Ленин встречается с делегатами Второго съезда партии, конспиративно съезжающимися в Женева. Один из них — Мартин Ладон — ассистент председательского семейства с Владимиром Ильичем о ривольвусе на берегу Женевского озера, куда Ладон отправился вместе с другим делегатом — литератором рабочим Александром Шоганов. Делегатам повстречался велосипедист.

Хотя он был одет по-европейски, но что-то выдавало его российское происхождение, — вспоминает Ладон.

Он сразу соскочил с велосипеда и спросил: — Вы, наверное, но мне? Я Ленин... — Да, конечно, — отвечает Ладон, проглядев два часа, беседу с Лениным, который сообразил им.

— Единственные в редакции только наущение. По каждому вопросу... приходилось бороться со стариками, с Плехановым, который никак не мог понять, что русские рабочие уме не те, с которыми ему пришлось иметь дело в последние годы, когда он уехал из России. Вся беда его, что он не знал территории России, поэтому ему непонятны были столичные партийные задачи. Его беда, что он вынужден был жить в маленьком сравнительно городишке, вроде Женевы, в котором нет настоящих рабочих.

Вот почему Ленин — всегда наставлял, чтобы редакция была сна-

чала в Мюнхене, а когда это стало невозможно, то в Лондоне. Плеханов на это очень обиделся: не резать в Мюнхен уже было невозможно, а в Лондон он не хотел. Ансельрод тоже пустил горячие корни в Цюрихе, где он имел собственное нефтяное заведение, которое доставляло ему средства к жизни.

Так что вся работа в редакции лежала на Ленине и Мартове. Только по самым принципиальным вопросам, как, например, выработка проекта программы, устраивались совещания, на которых общались.

— Хоть с Плехановым приходится очень часто спорить, но Плеханов представляет собой большую теоретическую силу. Сейчас особенно важно, чтобы все приехавшие из России делегаты заручились Плеханова... боевые предреволюционные этикетки, — боевые выступили против Плеханова. Потресов барин, он мог бы писать, но очень ленина и пишет редко и очень мало интересуется редакционными делами.

Потому что будет очень хорошо, если составить редакцию из Плеханова, Мартова и Ленина.

— это будет самая деловая и работоспособная редакция.

«Мандат «Искры»

В середине июля 1903 года Ленин вместе с другими делегатами Второго съезда партии приезжает из Женевы в Брюссель. 17 июля делегаты съезда — члены Брюссельской организации — начинают обсуждать вопрос о мандате от ее русской — подпольной — организации. Мандат этот передается Мартову. 14 октября 1903 года Ленин рассказывает на Втором съезде объединившийся «аграрно-рабочий союз» революционной социал-демократии: — ...объясню, на чем основан единственный мандат от Лиги, тогда как другая лига выбрала двух. Основная, то от русской организации «Искры», которая также должна была прислать двух делегатов, но одна не пришла на съезд. Тогда перед началом съезда на состоявшемся в Брюсселе совещании было решено, чтобы один из 2-х выбранных Лигой делегатов отказался бы от своего мандата, передав его другому делегату, а сам явился бы делегатом от организации «Искры», взяв себе два ее мандата, с тем, чтобы, в случае приезда из России избранника Лиги, он передаст ему один из 2-х мандатов организации «Искры». И мне и Мартову, естественно, хотелось быть делегатами от «Искры», avendo незначительности той роли, которую играла Лига. Спор этот мы решили путем метания жребия.

В 2 часа 55 минут дня 17 июля 1903 года в стелле Болье начинается съезд партийной и организационной подготовке которого Ленин отдал столько сил. Круглая ассамблея.

Как мандат от этого съезда Владимир Ильич всю жизнь — до самого конца — он признавал партийный съезд, как высшую инстанцию, но съезде должно быть отброшено все личное, ничто не должно быть заткнуто, все сказано открыто. К партийным съездам Ильич всегда особенно тщательно готовился, особенно тщательно обдумывал к ним свои речи... Большею частью мучного склада около импровизированной трибуны было занавешено красной материей. Когда были вызованы, Торжественно звучала речь Плеханова. В ней слышался неподдельный страх. И как могло быть иначе!

С момента открытия съезда Владимир Ильич присутствовал — с часами в руках — перед его диклоном. Из ленинских записей мы приведем лишь те, что имеют то или иное автобиографическое значение.

— 2 часа 55 минут. Открытие Плехановым съезда, по поручению Организационного Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (от имени бывшей группы «Освобождение труда»).

3 часа. Выбор бюро. Большинство за открытый выбор.

Списки 1. Плеханов Ленин 34 голоса.

2. Председатели — по ленинским и Игнатки. 24 голоса. Игнатки Ленинское (15 за ленинское).

Избранный вместе с Лениным в бюро съезда Игнатки (а далее и «И») — Петр Крисовен. Ленинское предложение — предложение о более широком участии в голосовании лишь делегатов с разрешения, а не советствительных, голосов. В Крисовен, «Игнатки» и Л. съезде Ленин комментирует результаты выборов президиума: — Достаточно важным актом в самом начале съезда был выбор бюро ни президиума.

Я стал за выбор только трех на весь съезд, и притом трех для «единства в стелле». Выбравшими были: Плеханов, я и товарищ Т. (искровец твердой линии, член ОК).

«Ленин и его пункты»

Пытательно фиксирует Владимир Ильич и самые равнообразные эпизоды хронического «жизнеописания» для других заседаний съезда:

1 — 2ое заседание.

21 июля.

9 часов 30 минут открыто Ленин отъезжает в Брюссель.

9-ое заседание.

Плеханов: 10 «Искровец» 40 (минут).

Ленин не говорит о философских основах теории, а политический проект «экономистов» (бабиль).

1 час 20 минут похвещения Муса.

Дане в а той фразе (Ленина) нет никакой ереси.

А и в о в

Вягия Ленина связывает во всей программе, в каждой строке и его книги и программы.

«Совершенно верно» раскрывается мысль Ленина Плеханова.

12.35 — 12.45 Ленин и его пункты.

Упомянуты в ленинских записях «Второе предложение» Ленинского проекта «экономистов» (бабиль).

Большой интерес вызывает участником съезда. В конце июля его делегаты приезжают в Брюссель в Лондон. Ладон вспоминает о беседах с Лениным во время этой поездки:

Владимир Михайлович Комаров был мужественным коммунистом, глубоко преданным Коммунистической партии. Вся его яркая жизнь была отдана без остатка беззаветному служению социалистической Родине. Его отличали замечательные качества — безграничная любовь к своему народу, смелое дерзание, постоянные поиски нового, железная воля, дисциплинированность, трудолюбие, скромность, простота, чуткость. Таким его знали товарищи, таким он навсегда сохранится в памяти людей и в истории завоевания космоса!

И К А Р

Апрельское утро само как заглавье поэмы,
которой страна открывает великую книгу.
Я знаю, я строчки сегодня в нее не
прибавлю —

я слишком волнуюсь... Я просто припоминаю.
Все чаще и чаще в зрачки опрокинуто небо,
и звезды крупнеют. И жаркое их притяжение
тревожную кровь неуклонно вращает по
жилам.

Вот так, мой товарищ, мой гордый собрат
по столетию,

ты шел в это вешнее утро,
вот так же, наверно, и птице,
едва только крылья почует, не терпится в
небо:

наполнить их ветром полета.

Но разве

Земля не была тебе добрым гнездом!
Неужто тебе на Земле не хватает уюта
и трудного хлеба ее, и соли, и грешного

меда,
и терпкой воды ключевой, до ломоты в
зубах!

Неужто Земля не играла тебе колыбельной
ладонями ливня по струнам соснового бора!
Не может же быть и такого, чтоб стрелки
часов

на всех циферблатах любви до того
торопились,
что счастья земного тебе не успели
отмерить...

Чего же тебе на Земле не хватает,
тебе, коммунисту!

Всего только — звезд под ногами.

Всего лишь — Вселенной, как сердце,
распахнутой настежь.

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС

ЗЕМЛЯ, ПРЕОБРАЖЕННАЯ ОКТЯБРЕМ

А. БЛОХНИН

Фото автора

СОЛНЕЧ- НЫЕ ГЕКТАРЫ

Флегматичные буйволы — живописная, но уже устаревшая примета Кавказа. Их таловая сила, когда-то прославившая этих сильных животных, почти утратила свое значение в наши дни.

Потийская опытная станция Грузинского института чая и субтропических культур — экспериментальный цех Кавказа. Ее сотрудники составили карту наиболее рационального размещения посадок на оспеиваемых землях. Это своеобразная зеленая «лоция» агронома республики.

Выращенные на месте прежних болот золотые плоды — гордость садовода Гулико Гуджабиди.

Гричит под мощными ножами корчевателей бесполезная поросль. Ее место займут плантации мандаринов, лимонов, лайма...

Вододелитель близ Поти избавил город от наводнений.

Плоская, без единого бугорка равнина Колхидской низменности — это 220 тысяч гектаров. Гигантский треугольный сушиц (или, точнее, полусушиц), образованный наносами реки, находится почти на одном уровне с морем. В среднем он приподнят всего на полметра. Небо здесь обрушивается на землю бесконечными водопадами. Ненный инженер-мелиоратор горько пошутил: в Колхиде, мол, 450 дождливых дней в году! Иногда бывает, что за одни сутки осадки достигают двухсот миллиметров — это месячная норма влаголюбивой Прибалтики.

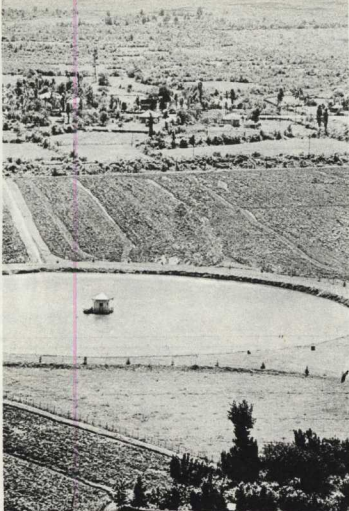
Переполненные реки, у которых, по сути дела, нет берегов, не в состоянии принять воду. Неподалеку от Поти мне показали увесистых сазанов, подобранных после спада воды в... лесу. Двадцать пять раз в году

разливается Риони — главная река Колхиды. Она оставляет на прилегающих пространствах не только многокилометровые озера, но и огромное количество плодородного ила. По количеству взвешенных в воде частиц Риони превосходит Нил и дельту Ганг.

Это свойство реки люди научились использовать себе на благо. В обжитые участки из реки запускают воду. А после спада уровня, когда вода отстоится, ее через шлюзы снова отправляют в реку. Когда же слой наносов уже достаточно высок, пульту замачивают насосами. Называется этот метод пыльными словами: «молытажи». Таким способом намечено отводить у болот десять тысяч гектаров.

Наступление на Колхиду началось в 1932 году. Сеть построенных каналов избавила от катастрофических наводнений 70 тысяч гекта-

Большим синим кругом выделается на зеленом фоне равнинный пруд совхоза «Колхоза». В хозяйстве появилась новая статья дохода: семга рыба.

Канал примет с полей воду, которую не в силах взять в свои русла реки. Параллельно Риони прокладываются новая пятнадцатикилометровая искусственная река. Она не должна пересекаться ни с одним из притоков Риони — Ноголой, Тежур, Циви. И поэтому люди строят для воды специальные «пет-престиги» — дюнеры, подводящие железобетонные коридоры, по которым пойдут воды канала.

Первоначально предполагалось, — говорит управляющий трестом «Ионидстрой» Вондо Каташидзе, — что освоением засушливых земель — юрочной джунглей, прокладкой малых каналов, коллекторов, устройством дамб — будут заниматься сами колхозы. Однако это оказалось не так просто. Теперь наш трест наряду со «стратегическими», главны-

ми работами по осушению субтропической долины немалое делает и инвестированно в колхозах и совхозах: сооружением ирригационных хозяйств мелии, линии элеваторопродач, строят крупные помещения, проводят планировку полей и даже первую — самую трудную — вспашку. Бьед в тресте есть мощные, тинельные тракторы. Колхозистовым с гордостью говорят о богатейшей технике, которую получают мелиораторы. Причем многие замечательные машины не принадлежат — их делают здесь же, на ионидской земле. Например, на Петришском заводе гидромехаником. Предприятие расположено как нельзя более удачно: здесь изготавливают, едва окончившись за воротами заводов, сразу попадают в заборы. 25-рублевые механизмы получили золотую медаль на Международной выставке сельскохозяйственных машин летом прошлого года в Москве.

«Один из самых ответственных «парничков» сооружается близ совхоза «Тежурский» — наглядной производственной энциклопедии того, что может взрастить обогороженная южнокавказская долина. Мандарины, лимоны, ранние яблоки и груши, кукуруза, виноград и, наконец, благородный лавр, каждый гектар которого дает ежегодно более трех тысяч рублей дохода.

Будущее солнечной южнокавказской долины экономики и прорентирования оценивают в 40 тысяч гектаров чая (немногие меньше, чем сейчас во всей Грузии) и 50 тысяч гектаров цитрусов. Субтропическая долина Колхиды — это плантация туинга, банана, это свиные ошони для всего Черноморского побережья Кавказа и центральных районов страны.

Под жареным покрытием — молодые побеги благородного лавра. Даже для теплолюбивого «короля субтропиков» в первый год жизни слишком горячи палящие лучи солнца.

ДВА ВЕЩА

РАССКАЗ

од утро мне приснилась муха. Она так жужжала, что я начинала глотать. Я закричала, но это не помогло. Тогда я решила, что я муха, и надо улететь вместо нее. Встала на подоконник, раскрыть руки и улететь. И когда я так сделала, то проснулась.

В соседней комнате стоял гуд. То, что говорил папа, я могла еще разобрать, а мамин голос — зубной врач: «Кажется, что ты стучишься, как будто тебе уже девятнадцать!» Я вспоминала, что вчера случилось, и поняла, что день рождения мой праздновать не будут. То есть я не только это поняла, родители очень четко и ясно сказали мне об этом. Вчера мне мама объясняла, что она меня просто превозвела. А папа сказал, что он все-таки в меня верит.

Я встала с постели и подхожу к окну. Я уверена: не одна я стою сейчас у окна. У нас все в доме оглашается чрезвычайной наблюдательностью. Когда я иду по двору, мне обязательно кто-нибудь кричит: «Кажется, тебе уже девятнадцать!» Или: «У тебя подол висит. Можешь сама подшить, не такан уж маленькая!» Меня это раздражает ужасно. Я раз нарочно ввела в косы разные банты: один красный, другой зеленый. Так никто не заметил.

Тут куда по двору идет Дина, тут уж никто ничего не может сказать. Она красивая, другая зеленая. Так никто не заметил. Я всегда была в чем угодно. И подол у нее может быть оторван. Это совершенно неважно. Правда, моя мама ее не выносит и называет «экологический кошмар». Многие женщины в нашем дворе осуждают Дину. А все потому, что она очень красивая. Я никак не могу понять, почему она работает телефонисткой, а не снимается в кино. Но Дина уже не живет в нашем доме и не знает, что я пострадала из-за нее. А прознала ужасно глупая история.

Дина жила у дяди. Каждый бы отказался от такого дяди, если бы тот раз его увидел и услышал. Он не то что очень толстый, а очень злой. Шрек у него всегда такие румяные, как будто его только что выжали из пачки. Он всем делает замечания. Но при этом непременно улыбается. У него существуют собственные нормы дозволенного и недоделанного. То приемник у кого-то включен больше дозволенного. То кто-то больше дозволенного, когда он узнает, что его племянница влюблена в морска, что они встречаются каждый вечер и морск заходит к ним в дом, дядя так рассердится, что трудно себе представить. Он знает, что его дом — святая и чтоб она немедленно ушла из его дома. Потому что все это было в его понятии недоделанным, он так орает, что на другой день все анализы его монолог vanish. Вот до чего он отвратительный. И все его осуждали, а виноватый остался я.

Дина выла чехом и ушла в подруге и обещание. И тогда ребята нашего двора решили прочесть дядю. Мы бросили молоту: орает или не орает. Была мальчишка, кроме меня и Диньки. Кто-то на нас двоих должен был встретиться с дядей. Я крикнула: решка. А вышла ора. Меня завернули в простыню, надели маску бая-бати. И когда это доброе тело поднималось по лестнице, я встала перед ним на колени и проговорила:

«Я люблю вас! Вы стройны и благородны. Вы самый прекрасный из тех, кого я знала. Я безумно люблю вас» — проговорила я, потому что мне уже было все равно.

Ребята виню захохотали. А я сбегала с лестницы. На лестничной площадке, где я стояла на коленах, было темно. Ребята выкрутили лампочку. На мне была маска, и голос я изменила. И все-таки он узнал меня.

Он тотчас явился к нам домой и все рассказывал маме.

«Вот какая я была до твоей. Вы, наверное, думаете, что она ангел. А она чудачка, ваша дочь».

«Мама появляется в моей комнате, что-то шепчет в шкафу. Я говорю: «Доброе утро, мама». Никакого ответа, ни малейшего ко мне интереса и внимания. Она даже не волнуется, что я опаздываю в школу. Проклято. И тоже не будет волноваться. И ни слеза осыпалась, завтра как. Все равно на первый урок уже опоздала. Я надеваю свой новый плащ, который мне папа привез из Москвы. Плащ на все времена года. А с белым меховым воротничком. И на такой же подкладке. Когда становится тепло, воротничок и подкладка отстегиваются и тогда можно носить его с носом. Прет у него многожелезные киселя. Ни у кого в городе нет такого плаща. И по двору я прохожу очень медленно.

На улице уже пахнет весной. Где-то в Москве ходят собачки. Обещают тепло, воротничок и подкладку отстегиваются и тогда можно носить его с носом. Прет у него многожелезные киселя. Ни у кого в городе нет такого плаща. И по двору я прохожу очень медленно.

«Приходит, уходит пароходы, все равно в городе тоска зеленая, надо податься». А я, мол, такая фараонка благодаря своей ограниченности.

«Ой, ну жежи Лидка! Я кричу ей. Она оборачивается и смеется. Мы с ней учимся в одном классе».

«Я почему опоздала?»

«Видно, конечно, глупый вопрос: сделать такую прическу могут не в каждой парикмахерской. Времени на это надо уйма».

«Мне сегодня шестнадцать», — говорю я».

«Старуха... И это она совершенно серьезно».

Как-то она спросила меня: «Ты хоть раз с кем-нибудь в жизни целовалась?»

«И сказала, что нет. Тогда она сказала, что я себя здорово обобрала. Лидка говорит, что у нее есть любовь, и что она встречается с ним каждый вечер, и что они вместе ходят в кино, и что вообще он чудо. Я, правда, это чудо никогда не видела и сомневаюсь, что оно существует — самый лучший».

«Родители не будут праздновать мой день рождения. И все из-за того, что мы материали».

«Ну и не надо», — говорит Лидка. — Сделай сама себе подарок: возьми и влюбись. Ты душная, Джульетта влюбилась, потому что он Ромео. Она просто сошла за любовь. Вот войди сегодня в класс и посмотри на всех наших ребят по-новому. Как будто ты впервые пришла сюда».

«Зачем мне на них смотреть, когда я все их очень хорошо знаю. Мне, знаешь, кто нравится», — вдруг разоткровенничалась я. — Алик Бархударян».

«Вот как», — сказала Лидка и очень внимательно посмотрела на меня. — А тебе не кажется, что он немножечко ржал-лукум, что у него сладкая внешность?»

«Да это совсем неважно. Он умный и хороший товарищ».

«Ты просто даешь ему рекомендации в комсомол».

«Неприятно ходить в школу, когда идут уроки. Оглушает тишина. Не дай бог, если нас сейчас встретит Коробова. Это наш учитель. Ее все боится больше, чем директора. Она высокая, худая, с длинной шеей. Глаза у нее маленькие и очень пристальные. Лидка, которая всем дает провинции, сказала, что Коробова — это помесь гуманизма с пантерой. Я тогда ужасно холодела. До чего же Лидка всегда точно определяет. С Лидкой по улице невозможно ходить. «Ты посмотри», — говорит она, — как этот человек похож на утку!» И говорю: «Ну, поехала». А потом смотрю — и топчу».

«Вот тебе покажут утку» — настрелит идет Коробова. Надо было на улице торчать до самого звонка. Впрочем, все равно она узнает. Мы говорим ей: «Здравствуйте!» И она очень приветливо нам отвечает. Она очень спокойно спрашивает нас, как мы смотрим на наше опоздание. Мы отвечаем, что отрицательно. Коробова говорит, что хочет узнать, как на это посмотрят наши родители. О нет, родители мы совершенно не обязательно. А просто мы письменно должны будем рассказывать, почему мы опоздали и как на это реагировали наши родители».

«До чего же все она любит в письменном виде. И до чего же мы ее за это не терпим. С другими учителями у нас совсем другие отношения, мы их не боимся, мы с ними дружим. Мы ведь не маленькие. Уже в девятом».

«На следующем уроке мы снова встретились с Коробовой. Она ведет у нас литературу».

«Сегодня мы будем писать сочинение на волюную тему», — говорит она».

Обещает она письменные работы».

«Итак, пишете о чем хотите. Но я вам рекомендую написать о добрых делах. Что вы сами можете сделать для людей. Вспомните слова Давид, вспомните...»

«Но я уже не слышу ее. Я осматриваю класс по-новому, как посетовала меня Лидка. Алик все-таки лучше всех. Потом я стала думать: о чем же все-таки мне написать. И решила рассказать о нашем доме, о людях хороших и плохих. А Коробова все еще говорила: «Из маленького добра вырастает большое». Ну жежи она не понимает, что же писать. Я, наверное, нуру написала. И даже перечитать не успела. Но Коробова любит дисциплину: звонок — славайте работу».

«Сегодня мне показало, что уроки кончились очень быстро. А мне хочется, чтоб сегодня произошло что-нибудь замечательное. Мне хочется, чтоб меня любили и чтоб я любила. И чтобы меня кто-нибудь ждал. Но меня никто не ждет. И мне никто не ждет. Я сажусь в автобус без всякой цели. Я сажусь на самое заднее сиденье. Напротив парня, который читает газету. Я смотрю на него очень внимательно. Он красивый. Только какие у него глаза! Сила гипноза. Он посмотрел на меня и улыбнулся. И я ему улыбаюсь и подумала: «Как было бы хорошо, если бы мы с ним вместе вышли на последнюю остановку и пошли бы к морю. И он бы сказал мне: «Иди, я ведь давненько знаю и давай любовь. Я был уверен, что вы поедете в этот автобус, потому что я сел в этот автобус».

«Опять читает газету. Если он сойдет там, где я...» Я помню, мама рассказывала гостям, как она познакомилась с папой. Это было в Ленинграде. Мама встала в трамвайе кино. А папа, который ехал в этом же трамвае, взял книгу и отдал ее маме. А мама так расстреляла, что даже не поблагодарила, а только сказала: «Это совсем не страшно». А папа сказал, что, конечно, ничего страшного нет. Но все-таки не надо забывать такую книгу, что он читал эту книгу и она ему очень нравится и ее стоит держать в своей библиотеке. А мама опять повторила, что ничего страшного нет».

«Я подумала, что если сейчас оставлю тетрадку, то мой папучик непременно возьмет и отдаст ее мне, и мы познакомимся. В автобусе уже почти никого не осталось. Я вынула чистую тетрадку и положила рядом. А потом встала и пошла к выходу».

Обернувшись, он тоже идет, но тетрадка моя как лежала, так и осталась лежать.

А когда я вышла из автобуса, он тотчас обогнал меня. У него ужасно длинные ноги. Я уже просто машинально за ним в кафе зашла. В кафе было очень много народу. Он сразу подошел к девушке, которая сидела возле него. Волосы у нее загибались в плеч, как впрямительный знак. Она посмотрела на меня удивленно: зачем, мол, я сюда явилась. Яказвала ей и коржик. Он сказал ей:

— Прости, я немного опоздал.

— Зачем ты взял с собой эту?

— Эта ехала со мной в автобусе, я же не виноват, что ей надо тоже в кафе.

И смотрела в окно и видела: а что за тобой шала.

— Ты испугался? Значит, ты простишь меня.

Она отдернула руку.

— Никогда я не прощу тебя, потому что я не должна этого делать. Она залакала. И это прозвучало так: «Я хочу, я мечтаю об этом, но мне не довольно тебя прощать».

— Давай поговорим о делах, — сказала она. — Для этого мы и встретились здесь. К Тане ты, конечно, сможешь придти, когда захочешь... Зачем она слушает нас? Она с тобой пришла. Я же выдала.

Тогда он закричал на нее.

— Ты сумасшедшая, ты дура! Иза-за этого все несчастия! Ты что, не видишь, что ее нельзя принимать всерьез? Она же девочка!

— Не ори. Теперь ты не имеешь права. Не ори.

У меня коржик застрял в горле. Мне стало ужасно обидно. Окалывается, ко мне всерьез нельзя относиться. И оказывается, я — «ста».

И плуей вылетела из кафе. А потом пошла еще медленно. И думала, куда мне деться? Я должна до большой детской площадки и остановилась. Ужасно люблю смотреть на детей. Им мне нравится, как они одеты в комбинезончики. Маленькие эскимоски. Только их отличить трудно друг от друга. Все как инкубаторные цыплята.

Рядом со мной плаксию заговорила женщина:

— Господи, куда он мог деться, ведь он только был здесь, господи! Она стала объяснять мне, что комбинезончик вышит.

Может быть, мне надо было подробнее расспросить о пропавшем, но я сразу ринулась искать и тотчас его обнаружила: «Вот он». Один сидит за деревом. Я поставила его на ноги. Точно: на комбинезончике красный петух. Я схватила его. А он заорал ужасно. Но еще больше заворола женщина, которая бросилась на меня, как тигрица.

— Хулиганка, куда ты тащишь моего ребенка?

— Простите... Я думала... это тот, который потерялся.

Но тут я увидела женщину, которая послала меня на поиски. Она держала за руку ребенка. Сначала я ее даже не узнала, до того у нее было другое лицо: очень спокойное и даже надменное, как будто она хотела мне сказать: «Какая вы глупая». Удивительно, как люди умеют менять лица.

— Я же вам сказала, что у моего зайчик. Зачем же вы схватили ребенка с петушком?

И ничего не сказала... Мне только в эту минуту очень захотелось увидеть папу.

Папа мой работает директором птицеводного комбината. Мне бывает странно обидно, когда я захожу в магазин и слышу:

— Покажите это платье. Ах, это наше производство. Тогда не надо. А мне всегда хочется сказать: «Нет, вы сначала посмотрите».

Прида, папа нам все привозит из Москвы, когда едит туда в командировку.

Я не так часто захожу к папе. Но секретарша Виктория Яковлевна, полная немелодия женщина, встречает меня так, как будто я выросла на ее руках. Как-то я приехала сюда вместе с Лилей. Так Лила сказала, что она поехала на прощание с розовым кремом.

— Виктория Яковлевна, папа у себя?

Она встала из-за стола и протянула ко мне руки, как к блудной дочери, которая наконец вернулась. Мне даже показалось, что на глазах ее появились слезы. Она так обняла меня, что мне стало жарко.

— Ты вылитая папа, — сказала она.

— Я совершенно не похожа на папу.

Виктория Яковлевна почему-то рассмеялась.

— У тебя очень красивый плащ. Это импорт?

— Нет, это наш.

— Какая прелесть!

Она подняла мне воротник и опять хотела меня обнять. Но я уже вышла.

— У Николая Алексеевича сейчас совещание, но я вызову его... — сказала она мне шепотом.

Папа вышел очень быстро и растерянно посмотрел на меня.

— Зачем ты пришла?

— Просто так. Разве я не могу прийти к тебе просто так? — Я чувствовала, что он еще сдерживается, чтобы не улыбнуться мне, чтобы не подойти и не обнять меня. Но он не смел так поступить в целях моего воспитания.

— Ты кончила заниматься? Иди и сиди дома, — сказал он.

— Папа, — спросила я, — а почему летуни на ваших комбинезонах как-то так смакивают на заде?

Даже Виктория Яковлевна обиделась посмотрела на меня.

— О чем ты? — испуганно перенесла папа.

Но я не стала объяснять, я вышла, сильно хлопнув дверью.

Отец выжебал волею за мной и крикнул. Голос его дрожал:

— Капа, милая, зайди к маме! Я позвоню ей!

А я шла по улице и плакала. Ведь отец совсем не такой. Он хороший, добрый. Мне так хотелось, чтобы он обнял меня и поцеловал. А вместо него меня обнимала Виктория Яковлевна. У меня слезы текли ручьями. А я как назло платок забыла. И вдруг я задрогнула. Я услышала бой барабанов и громкий резкий голос: «Раз, два, три. Раз, два, три». Оглянувшись: сзади меня шли пионеры. И вела их хорошенькая молельница девушка в пионерском галстуке. И засмотрелся на нее. Она мне даже красивее Дины показалась, из-за которой я влипла в эту историю.

Пойду к Дине, решила я. Рассказу, как мы отомстили за нее. Вот она будет смеяться! И расскажу, что из-за этого мой день рождения ахнул. Нет, об этом не буду говорить, а то она станет считать себя виноватой. Мне очень хотелось с кем-нибудь откровенно поговорить.

На дверях комнаты, в которой сидит Дина, написано: «Посторонним вход строго воспрещен». Но я на это не обратила внимания. Я вошла. Я люблю смотреть, как Дина работает. Как она выдвигает из гнезда штекер и как говорит нетерпеливо, чуть гусавым голосом: «Аллы, аллы, первая, соединяю». И кажется, что она только прикасается к штекеру, никакого усилия, напряжения. Я смотрю на нее и думаю: «Почему она не снимается в кино?» Вот у ее напарницы Вали как-то все не так, хотя она делает все то же, что и Дина. Будто она ужасно напрягается, когда в гнездо вставляет штекер. И «аллы, аллы, платая, соединяю» у нее звучит: «До чего же вы все мне надоели».

Рисунок В. ЮДИНА

сти. Для художника молодость — это творчество. И плохо, когда любовь и «молодость» — идентично понятие «незрелость».

Самое, на мой взгляд, характерное для молодых писателей, которые приносят свои первые прозаические и издательские редакции, в частности в редакции журнала «Знамя», где я работаю, — это художественная подготовленность, эстетическая грамотность. А ведь на Первом съезде писателей Горький много говорил не только о литературной, но и о политической зрелости. И спорящие отнеслись и к молодым и к общим писателям. И потому были основаны многие писатели того времени пришли в литературу с определенным опытом участия в решении событий истории, но отстранены этой борьбе не дали им возможности овладеть всеми художественными средствами, накопленными человечеством.

И еще одно. В мире идет борьба идей, борьба за человеческие души, и каждый художник, участвуя в этой борьбе, должен обладать совершенными оружием, которое он пробыло любую толпу враждебно настроен, преобладающей. Победить в этой идейной борьбе художник должен средствами искусства.

Пушкин говорил, что художнику необходимы генеральные знания. Я понимаю его слова так: знать много — не значит обладать, а значит уметь отобрать самое главное то, что будет заслуживать интереса и внимания людей. Отбор этого главного, талант его нахождения — это качество художника, ибо оно помогает ему, проникнуть в самую суть сложнейшие явления противоречия, увидеть ту ведущую силу, которая их преодолит.

Мы думаем также, что когда художник проникает в жизнь, видит ее во всем сложном многообразии и противоречиях и, исследовав, познавая ее, видит многообразие и противоречия, он тем самым познает — как жизнь не проста и по ней не промчатся обобщенным галлопом. Человека, особенно молодого, нужно готовить к самостоятельному и мужественному преодолению незнакомых трудностей, и борьбе. Ведь путь и преобразование — это и есть борьба с плохим, неверным — тем, что мешает человеку стать лучше, с лучшей частью не тем, что из природы наделен высшими нравственными качествами, этим набором счастливых генов. Лучший тот, кто, пройдя через сложности, победы самого себя, становится мужественнее, чище, совершеннее. Чье он был.

Поэтому, думаю, принятый нас в литературе требующий «полноты» читателя и «ориентации героя» — требует уточнения. «Ориентацией героя» со всем набором отличий, который имеет употреблено изображение человеческой личности, но и обезличивание читателя, который может столкнуться в жизни с теми же схемами, а жизнью, противоречивым. Что касается авторского героя, то меня он привлекает прежде всего не набором нравственных качеств, а тем, как интересуют пути, на котором он приобретает эти качества. Другими словами, та дисциплина развития человеческой личности, которая всегда была предметом искусства и нашей и мировой классики.

И последний, традиционный, вопрос: над чем вы сейчас работаете, какие у вас творческие планы?

— Меня всегда интересовала региональная тема. Я писал рассказы о героях Советской России во время Отечественной войны, есть у меня повесть на основе фактического материала о героине войны, «Заре настрелку» — о революции, «Цит и меч»,

как вы знаете, — об одной из сторон войны. Возвращаясь к этому району, хочу сказать, что черныш, послушавший прообразом Иоганна Вайса, совершенно необыкновенный, замечательный герой советского разведчика, конечно, собирательный. Мне хотелось написать о героине войны и в то же время создать антифашистское произведение. И стремился вынести правду о физике и собрал огромный материал, часть издательский. Надо признаться, что я не успел перед соблазнами дать «оригиналу» — стался период ее так, чтобы книга увидела как можно больше людей. Четыре года прошли и поняли, нам опасен фашизм для человечества.

После военной, творческой темы и снова возвращаясь к современности меня волнует тема образования, которая происходит в нашем обществе. Сейчас я работаю над повестью, в которой значительное место будет отведено современной молодежи. По структуре эта повесть приближается к тому, что произошло в нашем комсомате, Балуев и Агния летчиков. Такой прием позволяет показать разных представителей людей, переживающих оминание искусства в различных условиях. Это прием введения в повесть авторского монолога, это дает возможность писателю высказывать свое мнение по поводу описываемых событий как их равноправному участнику.

Повесть эта многоплановая не только во времени, но и в пространстве. Это дает возможность лучше познать современность, увидеть ее развитие, развитие не только из-за развития техники, транспортных средств. Не из-за условий существования. Действие повести происходит в Советском Союзе, в Индии, в Китае, в Африке, в Индии. Я бывал в этих странах и хочу показать, что не только географически их постижение, а участвующего в жизни, а участвующего в этих странах благодаря своей профессии — преподавателя, врача и т. д.

Я уже говорил, что среди персонажей повести много молодых. Наша молодежь — огромная социальная сила общества. Так было всегда и в годы первых пятилеток, и на сейчас, и на современных строях. И совершенно несправедлив упрям, что молодежь приходит на готовое. В любой исторической период есть свои сложности, и не так-то просто молодому человеку определить свое место в обществе, в жизни. Для него которых это заманчиво, для других — дилетантская пауза. Но такие паузы не характерны для всей нашей молодежи.

Процесс становления личности в последние время значительно усложнился, тем как очень возросли моральные требования и человеку, он должен быть ориентированным на знания, умениями.

Впервые в истории человечества в программах партии — партии коммунистов Советского Союза — выдвинута с огромной полнотой сильной нормы нравственного поведения. Это ставляет перед собой нравственные требования; столь высокие требования предъявляет друг к другу и к себе высокие моральные требования; столь высокие требования предъявляет и каждому и обществу.

Пространства человеческого духа все расширяются, нет ничего одного своего морального, что бы произошло много советского человека, а в этом работа партии. И все это я стараюсь передать в своей повести. Но знаю, как она мне удастся, — все зависит от главного характера, так же как в «Заре настрелку», «Знамях», Балуев; самое трудное — как я сумею передать характер главного персонажа.

О дальних планах пока говорить рано, но знаю, что обязательно вернусь и теме войны; ощущение, что что-то не хватает, гнетет и гнетет, как сателла, а я еще далеко не все рассказал.

Борис ПОЛЕВОЙ:

«НАШЕ ВРЕМЯ — ВРЕМЯ АКТИВНОГО ГЕРОЯ».

— Что вы считаете характерным для литературы последнего лет?

— Самым отрядным явлением последнего лет представляется мне бурный рост молодой литературы.

Семен КИРСАНОВ:

«В КАЖДОМ СОЗВЕЗДИИ ДОЛЖНА БЫТЬ СВОЯ АЛЬФА».

Вадим КОЖЕВНИКОВ:

«НАША ЛИТЕРАТУРА — НЕ ЛЕТОПИСЬ. ОНА ВСЕГДА — ОТКРЫТИЕ».

— Что, на ваш взгляд, характерно для современной советской прозы?

— Прежде всего самое примечательное то, что всегда было свойственно советской литературе: она неотрывна от главных моментов истории нашего общества, которые определяют поступательный ход его развития. Но наша литература — не летопись. Она всегда открыта, исследована духовного формирования человеческой личности. Такие исследования и составляют в первую очередь творческие черты советского народа. Я много в виду, конечно, не только, а внутренне, духовные качества, свойственные народу на каждом этапе его борьбы и свершений. Не случайно в произведениях последнего времени художественные открытия прозы Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Толстого, Достоевского не только не утрачиваются нашими писателями, но в новой исторической среде находят себе своеобразное применение. Отсюда та живая, прочувствованная литературного процесса, целого, которую мы сейчас наблюдаем. У Шолохова мы видим неуничтожимость толстовского изображения жизни, она и в модернистских произведениях Федина; традиции Чехова своеобразно творчески воплощаются в рассказах С. Антонова, Ю. Нагибина, Г. Семанова.

— Что вы скажете о нашей молодой прозе?

— Понятия «молодая проза», «молодой писатель» относительно. Шолохов в 22 года написал первые две книги великой классической романа «Тихий Дон». Молодая юношья сошла «Разгром», Фадеев был и автор «Чалашева», 30-летний Бабель прибрал всемирно известную новеллу «Смертельный новеллист». Перечень этот можно продолжить до бесконечно-

На пути развития советской литературы августовские дни 1934 года были важнейшим, определяющим этапом. Именно тогда партия собрала все литературные силы нашей страны на первый — небывалый в истории литературы — съезд. Роль Алексея Максимовича Горького в этом историческом событии огромна. Никто, кроме него, не сумел бы так вдохновенно и в то же время спокойно вести это небывалое собрание. В этом человеке удивительно сочетались русский писатель, совесть народа, государственный деятель, понимающий исторические процессы, и просто — Человек. Посмотрите, как душевно, ласково и внимательно говорит он с гостем нашего съезда Софьей Ивановой Гринченко, о которой писал в своих книгах «Станица» и «Разбег» Владимир Ставский.

Я вспоминаю лицо Алексея Максимовича, когда он

Фото И. ШАГИНА

слушал стихи Сулеймана Ставского — кавказского ашуга, который открыл для нас бесценные сокровища народной поэзии. И, видимо, поэтому Алексей Максимович в заключительном слове говорил о том, какое место в развитии молодой советской литературы должны занять литературы народов Советского Союза.

«Если мы не хотим, чтобы погас огонь, вспыхнувший на съезде, мы должны принять все меры к тому, чтобы он разгорелся еще ярче. Необходимо начать взаимное и широкое ознакомление с культурами братских республик...»

На грани второго полувека существования Советского государства — а значит, и советской культуры, искусства и литературы — мы с благодарностью вспоминаем этот призыв Горького.

Леонид СОБОЛЕВ,
председатель
Правления Союза
писателей РСФСР

ДВА ПИСАТЕЛЯ МАКСИМА ГОРЬКО

Это случилось давно, в те далекие годы, когда абсолютного большинства вышедших читателей «Смены» не было еще на свете.

Я учился в воскресной школе на Таганке, а тогда мелкие роли в драматическом театре и ставились в школьных стихах. Иногда тайное становилось явным — стихи, написанные мне друзьями, печатались, точнее говоря, разборчиво писались тушью в школьной стенограмме «Прометей».

Уже тогда я — начинающий поэт — тосковал по всемогущему критическому слою. Иронично репина читателя — мои товарищи и сверстники, являю мне и отдельные посылки (игнор мне почему-то нравилось значительное большинство) не были той авторитетной, профессиональной критикой, в которой, как уже было сказано, я испытывал острую нужду.

Вероятно, привилегию моего было бы откликнуться, свои сочинения на литературную консультацию в редакцию газеты или журналов. Но в редакцию, как мне известно, люди способные на более решительные поступки.

В начале января 1930 года я написал стихотворение на деревенскую тему. Может быть, это было сделано мною под влиянием многократно читанной «Бесни», но никак. Дело простое, могу признаться, что в деревне я не жил и знал о ней мало. Стихи эти у меня не сохранились, однако до сих пор в памяти сохраняется ощущение чуждым при своей простоте и ясности представлений о том, чему они были посвящены.

Случайно переписав эти стихи, я упалкий их в конверт и художественно оформил адрес: Ильяш, Сорренто, Максиму Горькому.

Вечером в пятницу и позвонил телефону, и вступил в один из беспрерывных разговоров — в один из прекрасных (и даже) я получил ответ из Сорренто.

С февраля в Ленинграде будет выходить журнал «Литературная учеба» — я Вам вышлю его, м. б. пригодится.

Вашего доброго, ему руку
А. Пешков
9.1.30.

Я перечитывал это письмо неоднократно. И тогда, в юные годы, и много позже, когда уже стал литератором и ушел от поэзии в прозу и в драматургию.

Алексей Максимович сдержал свое обещание: он выписал мне «Литературную учебу», которая мне очень пригодилась. Этот журнал учил молодых и воспитывал уважение к неземному писательскому труду.

Минувол год я читал по-прежнему много и бесцельно и продолжал писать стихи.

Я сочинил стихотворение, назвал его «Море» и отправил по указанному адресу.

«Море» и seaberg. Не потому, разумеется, что это стихотворение представляется мне художественно примечательным и достойным публикации. Причина совсем иная — на полях рукописи есть пометки Алексея Максимовича.

Вот оно, «Море». Прочтите его с доверливым вниманием, которого заслуживает, конечно, не столько само стихотворение, сколько замечания его первого читателя.

Вот второе письмо, которое пришло от Сорренто вместе с рукописью.

Ваше стихотворение — глупое и надуманное. Зачем в нем «монистадоры», «ацтени» и прочая бутавтория Николая Гумилеват? Хорошие рифмы значительно выиграли бы, если б ими был оформлен простейший смысл. Наши дни великого трудового пафоса требуют именно простоты, ясности, душевного огня.

В 16 лет, конечно, многого не скажешь, но вы должны бы читать и в 14 лет уметь волновать читателя.

Ваше стихотворение моего не и взломнут.

А. Пешков
4.1.31.

Сейчас, когда вы прочитали оба письма, вернитесь к ним еще раз, и еще раз.

Я убежден, что многие молодые литераторы найдут в письмах Горького требования и советы, которые и сегодня не утратили и никогда не утратят своего значения.

Такова история двух дорогих мне писем Алексея Максимовича, человека, которому я буду вечно благодарен за строгие и доброе слово воспитателя.

Борис ЛАСКИН

Море

Нардаши коренится в заборе,
Я тихоням книжкам не чита,
Я сегодня запую про море.

О котормо слышал
и читал.

Алебардой солнца на занате
Вироза висноз, порозно...
Возлеке пофырывает натер
И волной смеяются волна...

Горисонт окутывает тень,
С напряжением рыбы обонут,
На ладье надежда и вдохновение
Я уплываю реву глубину.

А ветра приморские упруты,
Теплый зной приносит чудеса —
Вот летят пиратские фелюги,
Натанут седые паруса.

Обода далекие просторы
На бовани скнутися на мель —
Там плывут в кроткий
ионистадоры
К берегам колуэмбых земель.

На корме командоу укробит
И возруженный до зубов,
Вислафинан спашисья Зурита
Мелитной невнимк черепов.

Заслепянися, вепугнутые тени,
Жуткий страх размашисто
И подносат мрачные ацтени
Перебитых траурный подосет.

Все убийцы в судовом скороте,
И ацтени выгнали права...
Абордаж! Разгубивает кортик,
Набухает кровью синева.

И авезало и дренне потемни —
Под машинный взверенный гул
Заглянул огромнейший гул
Вереицелй вытянутых дул.

Он идет востаннем объятый
Под гудеж матросского ура!
Плывут борцы летит
в иллюминаторы,
И за борт летят офицера!

Небосвод раскнутивший розоз,
Господа плывут на дно...
Море дашит бодростью матросов,
Целином с командой злодей!

Оттремела резная атаза,
Напряжением силй пережита,
И от императорского флага
Отлетели лишние цвета.

И в туман предугранный, белесый,
Как эмблему ставленных задач,

Вроненосец оного Одессы
Бросил высь оборманный кумач:

Кашенет вахтенный в дозоре,
Матюшено строгий на носу...
Воспокойно кадрагнет море,
Обещая сильную грозу!

Чепуха. Горжисья берега на
озне, кома и т. д.
Что это значит?

Писать кабыло не «по служазе»,
не по книжкам.

Это — не влохо, но алебарда
слишком дренне оружие и
читатель его не знает.

Гумилеве читали?

Гумилев!

Что это значит?

Во времена цуеков кортикос
во было.

?

?

?

?

?

?

?

?

?

?

?

?

?

?

?

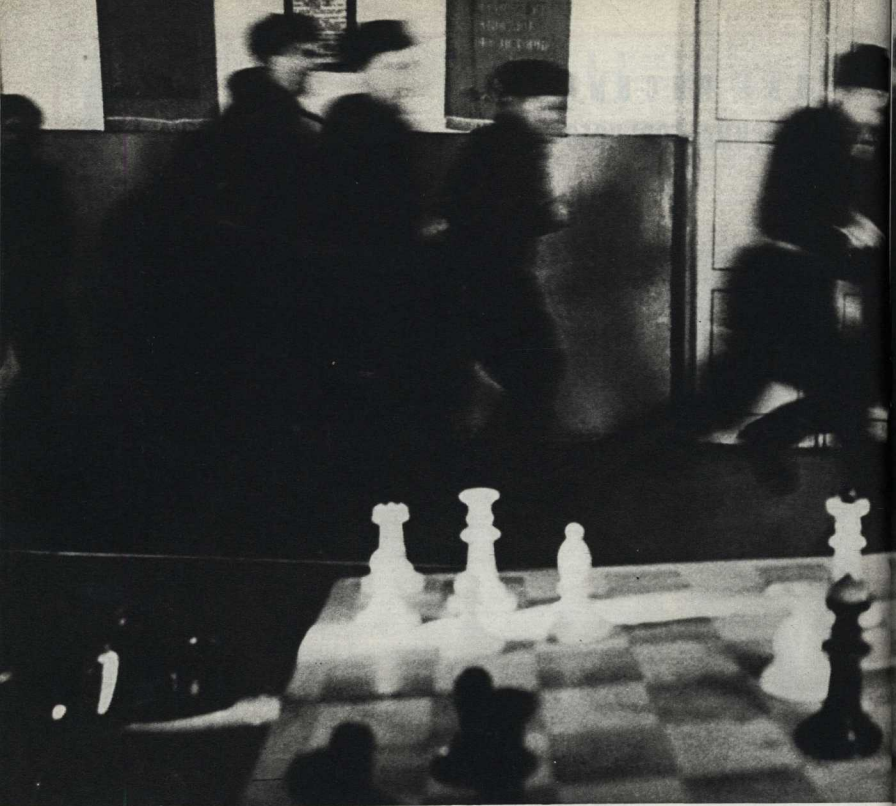
?

?

Б. ЛАСКИНУ

«Если вы, Борис, парень серьезный, не самонадеянный и способный работать над собой, дружите со мной. Вам вот что не обобщаться, такие стихи как Ваш не пишутся сотнями людей, и к сомнению, иногда такие стихи печатаются. А печатать их не следовало бы, потому что они — плохие, надуманные, вычитаны из газетных статей, халявы, что и коллегам читателя. В них отсутствует непосредственное чувство.

Вашно спасибо Вам, что для 15-лет таше стихи — конечно — не дурны, печатать их и бы. Вам же советую, но не очень советую учиться, читать, наблюдать, советовать свои нос во все углы и цели, записывать то, что Вас взволнует, паразит, рассмеши или огорчит.

ГОТОВНОСТЬ № 1

В. ЕРМАКОВ

Фото С. ПЕТРУХИНА

Фоторепортаж о людях мужественной профессии

 50 ЛЕТ

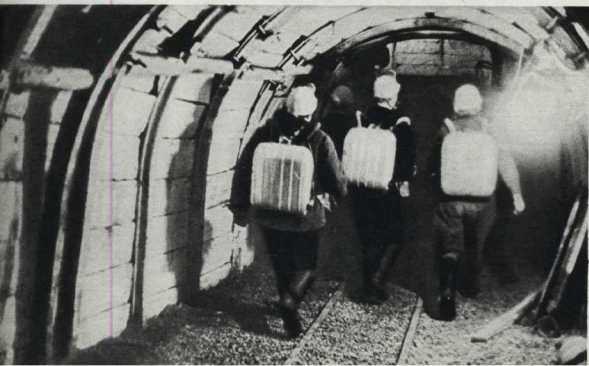
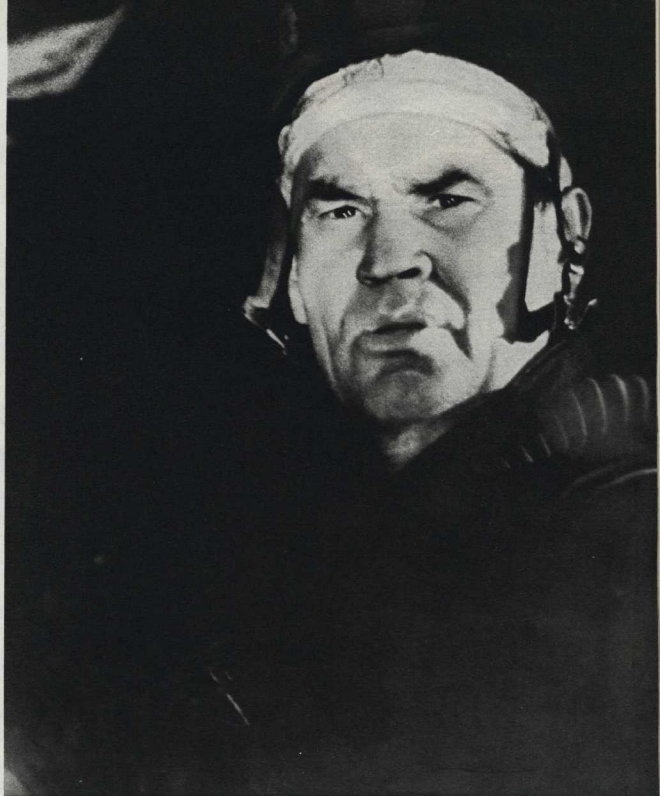
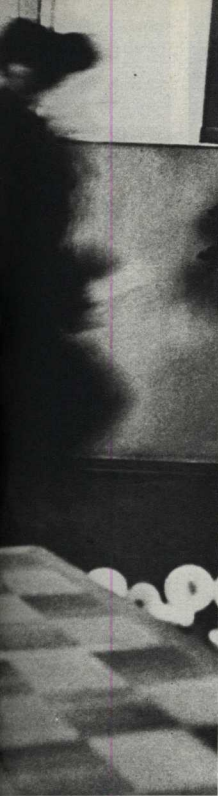
...Шестьдесят лет назад в Донбассе была создана первая станция по ликвидации аварий и оказанию помощи горнякобочкам. Немного могли сделать несколько спасательных команд, когда еда ли не каждый день в забоях и штреках старого Донбасса случались газовые взрывы, завалы, возникали пожары, рушились кровли, лишенная каменных кровей. Добровольцы-спасатели, вооруженные обушниками и лопатами, совершали чудеса храбрости. Одним из первых командиров горноспасателей был талантливый горный инженер Н. Чернецкин.

Он принимал участие в самых опасных операциях. С одной из них Чернецкин не вернулся, лишь несколько месяцев не дожив до Октябрьской революции.

Год от года ширялась сеть добровольных спасательных отрядов по всей стране. В 1934 году они были объединены в регулярные воинские части, где сейчас служат тысячи людей. Много было спасено за это время жизни горняков. Спасатели всегда на страже. Они поднимаются по сигналу тревоги в любое время дня и ночи. В считанные минуты ока-

смена 14

Всего несколько минут разделяют события, происходящие на этих снимках. Поднялось дежурное отделение...

Готов каждый...

Люди спешат к месту «аварии»...

50 лет

Обстановка сложная: в одном из штреков — «пожар», «пострадали» горняки, в шахте высокая загазованность. Спасатели работают в специальных кислородных приборах.

зываются на месте аварии. Действуют смело и расчетливо.

В последние годы выросло техническое оснащение спасательных отрядов. В их распоряжении транспорт повышенной проходимости, специальные противогазовые приборы, современные средства тушения пожаров, приспособления и переносные сооружения для регулирования воздуха в выработках, совершенные средства связи, наконец, новое оборудование и инструмент для проходки завалов... Неся оперативную службу, спасатели обучают шахтеров профилактике аварий.

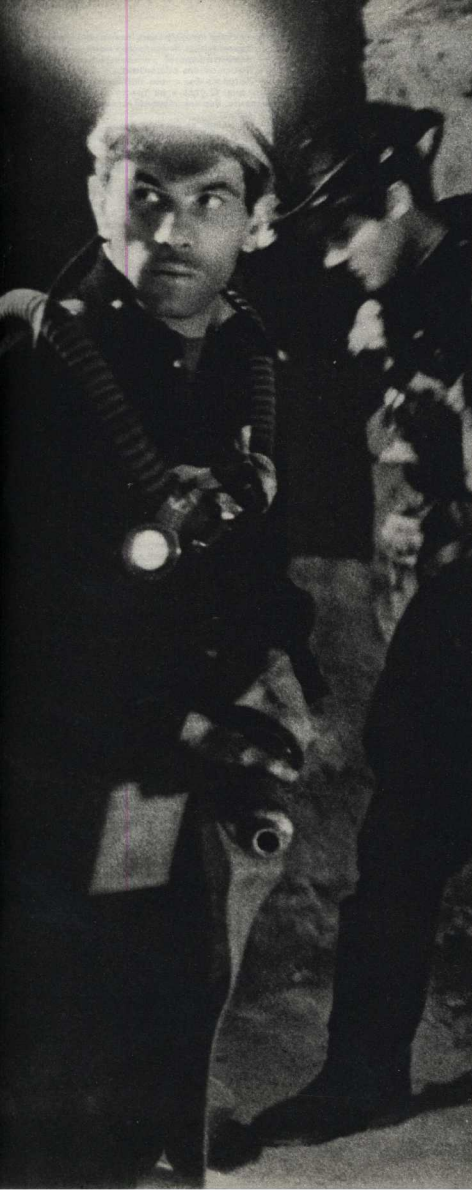
Корреспонденты «Смены» побывали на шахте «Горновская — Глубокая» и в первом горноспасательном отряде имени Николая Чернышова. Они рассказывают об учебной тревоге, о том, как был ликвидирован «пожар». Высший класс работы донецких спасателей свидетельствует: они всегда в состоянии готовности № 1.

Берутся замеры воздуха.

Быстры и точны действия отряда: «пострадавший» спасен.

В соседней штольне борьба с огнем. Не только фотографировать, разглядеть ничего нельзя на расстоянии вытянутой руки. Поэтому подземного бригадистера Николая Чернописского пришлось снимать после отбоя.

Последние спасатели покидают шахту.

Подводится итог учений.

тром на доске объявлений возле конторы строительно-монтажного поезда появился небольшой листок бумаги.

«Начальник СМП № 158 назначается тов. Сорокинов Г. М., которому надлежит и оперативному руководству приступать немедленно.

— Из Игрымы мы приехали вчера к вечеру. Почти всю дорогу Геннадий присидел молча, надвинув низко на глаза соломенную шляпу. Когда нам глазами шырало особенно сильно, под ногами начинал шевелиться и переползает с места на место, как живая, маленький чемаданчик с его помпками.

Геннадий ехал к месту своего нового назначения. Наверное, ему было жалко расставаться с Игрымой. С того момента, когда прежний его

— Что потеряли! — охлинула его из-за занавески хозяйка, которая с удивлением наблюдала за чужим человеком, проявляющим такой интерес к ее дому.

— Качество... — несвоело пошутил тот и, оставив озадаченную хозяйку, пошел к железнодорожному поезду.

Чуть позже его увидели возле склада цемента. Он долго стоял на пороге, поглядывая с плато на носки, и, казалось, с интересом разглядывал сквозь широкие щели в рассевшейся крыше ясное голубое небо. Как раз в этот момент пришла машина за цементом. Он отошел в сторону и продолжал стоять, наблюдая, как рабочие едут на самый верх, увязая в цементе по цылолку и поднимая облака удрушающей пыли.

— Вы всегда так грузите?

Рабочие удивились и опустили лопаты.

Из-за стола приподнялась девушка.

— Здравствуйте. А секретаря нет...

— А вы кто будете?

— Я воспитатель общинника...

— Хотелось бы с ним поговорить. Завтра к концу дня. С утра я на трассе буау. И вы тоже приходите. Вас как зовут-то?

— Маша.

— Ну, ладно, до завтра... Маша.

Быстро спустился с крыльца. Пошел по улице. Просто так. Без всякой цели:

— Маша...

Вот так же пять лет назад. На Абакан—Тайшет. Тогда в конюшине комиссара. Тогда Маша... Она была тогда секретарем. Он — у нее заместителем.

А сейчас так близко отсюда и так недосгаево далеко, в Игрыме, в их новом доме, где они

АБАКАН

Т. БРАТКОВА

строительно-монтажный поезд перебазировался с трассы Абакан—Тайшет в глухую тайгу, на берег речки Игрымы, немало успели сделать: на месте палаточного городка вырос целый поселок. И очень уж красивое место выбрали для него строители: поля вокруг светлая, чистая, почти без подлеска. Сосяны — одна и одной, стройные, как манты. Песок — значит, даже после самых свирепых дождей не будет грязи.

Там остался новый дом, куда всего месяц назад переехали Геннадий с семьей из вагончика. А главное — там остался ребята, с которыми плечом к плечу прошел он Абакан—Тайшет...

А может быть, он молчал по дороге вовсе не из-за воспоминаний, а просто был озабочен, потому что он хорошо знал, какое нелегкое хозяйство ждет его в Хребтовой.

...«Газик», пропыленный насквозь за шесть часов пути, переваливался на волнах засохшей грязи, поддувая и конторке. Геннадий вылез из машины, оглядываясь. Ему приходилось бывать здесь и раньше, но одно дело, когда приезжаешь гостем, и совсем другое, когда хозяином.

Для десятка шифтовых домов намечают конторы будущих участков, дальше — в беспорядке — палатки, вагончики. Вплотную к ним — железнодорожное полотно Тайшет—Лена. Лязгают и истонно гудят маневровые паровозы. Тайга отступила далеко — за складами, за гаражом едва видны вершины деревьев.

Геннадий надвинул еще глубже соломенную шляпу, взял чемаданчик. Сделал два шага, споткнулся о гребень засохшей грязи. Глянул вдоль улицы. В Игрыме люди шагали широким. Под ноги можно и не смотреть. Здесь все передвигается одинаково — перепрыгивая через колдобины, перешагивая с одного бугра застывшей грязи на другой. Казалось, понятие человеческой походки — своей у каждого — было здесь, утринно.

— Сделайте деревянную тротуарку! — сказал Геннадий. — А то начнутся дожди — утонею.

И пошел к конторе.

Здесь он переодевался на дерматиниовом дяне, а утрон, не дожидаясь, пока вывесит приказ, приступил к оперативному руководству.

В семь часов утра он остановился возле одного из новых домов. Внимательно осмотрел фундамент, заметив-то поступал по стене и даже заглянул под крыльцо.

— Ребята, внимание, — захохотнул один из них. — Сейчас товарищи в шляпе покажут нам, как грузить цемент.

К общему изумлению, товарищи в шляпе спокорно взяли лопату.

— Ходить по цементу нельзя, он от этого портится. Братея, надо с самого края вот так. А теперь спускайтесь и приймайте грузить, как я показал.

И вот так опешили, что послушно спустились вниз, забыв даже спросить этого странного человека, по какому праву он им распоряжается.

Потом он доказывал мастеру возле строящейся школы:

— Здесь для труб первого отопления лучше не кирпичные каналы сделать, а железобетонные лотки. Грунт сам, зная, какой — осадка большая будет. Кирпичные покоржит, а эти, если и садут, то целиком. Верно, железобетонные дорожки. А вы те, что с бряком, возьмите — здесь это неважно. Есть, есть такие — я сам на складе видел. И добро пропадет не будет...

В одиннадцать он пришел в контору. К этому времени на доске объявлений был вывешен приказ.

Пройдите, пожалуйста, в кабинет начальника, — сказала секретарша и, вспыхнув, поправилась: — Ой, то есть в ваш кабинет. Все уже в сборе...

Глянул в стелю стоящего в привисной шкафа, Геннадий провел пилтерной по волосам и открыл дверь с табличкой: «Начальник СМП № 158». Место, где полагалось быть фамилии, еще пустовае. Прежний начальник поезда ушел, не справившись с работой. Ему было без малого шестидесять.

— Они сидели долго, прокурили насквозь большой кабинет, даже открытые окна не помогли. Им было о чем поговорить — людям, которым предстояло работать вместе. Десяти километров железной дороги на Усть-Илме должен продолжить в тайге строительноый поезд. А впереди — непроходимые болота и участки вечной мерзлоты. И несласкова сибирская зима...

После того, как все разошлись, Геннадий долго еще сидел за столом, разбирая бумагу.

Потом встал, прошлепал по кабинету. Вышел в коридор. Рабочий день давно кончился, во всех отделах было уже пусто. В конце коридора удерживал табличку «Комитет ВЛКСМ». Толкнул дверь.

только начали налаживать свою жизнь, Маша, наверное, бисает Игрыма и думает о том, как он здесь сидит, скоро ли сможет забрать сюда и их. Может быть, ребята зашли. Слава Соколов. Сашка Горбачев. Сашка, черт, знаменитостью стал. Герой Труда. А все это wert Сашка. Столько вместе пережили. И Маша, наверное, заглянул. Попрошайтесь. Он-то завтра здесь будет...

Миша Новиков действительно завтра будет здесь, в Хребтовой. Геннадий уже позаботился — ему приготовили место в палатке. Миша Новиков — единственный человек, которого отпустили из СМП № 266 след за Сорокиновым. Присились многие. Подписали заявление только одному.

— Несомненно лет назад Миша Новиков пропадал. Наверное, по всей трассе Абакан—Тайшет немного можно было найти людей с такой душой слабой. Пьянки. Прогруль. Дряки.

Но случилось. Гене Сорокиновым — он был тогда мастером — онаяться рядом с Новиковым, когда тот не имел охоты работать. И пошел он, что пропадет даже не просто человек, а человек незаурядных способностей. Геннадий заряд Новикова в свою конюшину в общестине. И пошел на рискованный шаг — доверил ему званку, в каждой ему трудно найти равного. И если бы присваивали на трассе звание «лучший рабочий своей профессии», Миша был лучшим и плотником, и штукатуром, и на лесоповале.

Любую бригаду доверили Мише, и любую он выводил на первое место.

За строительство трассы Абакан—Тайшет получил Миша орден Трудового Героя Сталина.

Геннадий, конечно, не вспоминал всей этой истории, когда шагал по вечерней улице поселка. Он просто думал о том, что Миша завтра придет и кончится чувство одиночества — неизбежный спутник первых дней на новом месте. Уже стемнело, когда Геннадий вернулся в контору — ночевать. Открыл дверь приемной, нащупал выключатель. Вспыхнула одинокая лампочка под потолком. Осветила обитую коричневой клееной дверь в кабинет. Тускло сверкнула стальная

ная таблица: «Начальник САП № 158». Год ней была аккуратно вставлена кем-то картонка с четко выведенными буквами: «Сороковиков Г. А.».

■ Вы, конечно, знаете такую песню:

Мы любим палатку свою,
Городку сестру бригадистку.

Я видел палаточный городок на одном строительстве. Горели костры. В бачке грелась вода, и женщины стирали белье, пристроив корыта на широких сосновых пнях. Возле одной из палаток прямо на траве ужинала семья. В другой быль откаты двери, и в глубине виднелась детская кроватка.

И эти палатки совсем не выглядели романтиче-

стично так быстро, что наверняка очень скоро станут болшими.

Шеренги новых домов — блочных и кирпичных. Новые школы. Новые магазины. Новый Дом культуры химиков, построенный скромно и просто, без традиционных колонн и шпиль. Самое красивое здание в городе.

...Несколько лет назад на огромном пьестре стояла заброшенная, полуразвалившаяся коробка. Стояла немой укором. Строители Дома культуры «запороли» объект. И, как полагают многие, безнадёжно. Несколько раз пытались исправить брак. Но у всех охулались руки. И когда решили предпринять последнюю попытку, прорабом сюда был послан молодой инженер Юрия Шкуропата.

Вместо того, чтобы «латать дыры», как делали его предшественники, не решаясь поднять ра-

... Уже заменили опоры. Сегодня ночью, — похвастал Юрий и, не выдержав, улыбнулся: такое изумление было на лице начальника.

...Потом, когда объект пустили, был митинг. Были приватственные речи и поздравления. Люди закричали «ура!», и Юрий увидел в толпе лицо жены. Она тоже кричала «ура» и искала его глазами. И он подумал о том, что не видел Галио и сына уже больше недели, но не было сил оторвать плечо от стелы и подойти к жене.

■ Ему дали отоспаться двое суток, а на третий день утром его вызвал управляющий трестом и предложил место начальника строительного-монтажного управления № 3.

— Объект опять пусковой, — напомнил Гришин. — Ну, как, согласен?

«Покорять» или «хозяйничать»?

Романтика покорителей

«Родная сестра бригадистки»

Чтобы не «латать дыры»

«Бюрократический звонок» состоялся

ски, их вовсе не хотелось сравнивать с бригадисткой. Никто не пил здесь о том, что «любит свою палатку». Люди завидовали тем, кто уже вселялся в новые дома, и ждали своей очереди.

Десят лет назад пошли на Восток первые женщины с добровольцами. Молодежь вала покорять Сибирь. На долю тех, первых, достался суровая романтика первых колхозков и первых сибирских морозов в палатках.

Сейчас в Сибирь все чаще вместо слова «покорять» можно услышать слово «хозяйничать». Сибирь стала одной из главных строительных площадок пятитысяч. Люди, которые приехали когда-то покорять Сибирь, остаются здесь навсегда. Остаются работать и жить. И палатка — пристанище паразитов — не подходит человеку, ставшему хозяином.

Что же, значит, конец романтике?

А кончился ли она оттого, что люди, которые ушли нелегкой походкой с тайгой, будут жить в добротных теплых домах, смотреть кино в красивом клубе, есть вкусные горячие борщи в чистой столовой, провозжат по утрам своих детей в светлые уютные классы?

Романтика, если угодно, повзросела. Сегодня они иду куда о руку — романтика и умение хозяйничать. И настоящий руководитель не будет «кипятить» на энтузиазм там, где нужно проявить хозяйственную смекалку. Сегодняшний романтик — хорошая хозяйка.

Поэтому я и познакомился вас с Геннадием Сороковиковым в тайгой, казалась бы, не романтической обстановке, когда он обходил свои «вадники», думая о том, что может сделать для людей, которым ему доверили руководить.

Мне хочется рассказать еще об одном «назначении хозяйном». На пологом левом берегу Ангара, было маленькое село. Жители его занимались разработкой богатых соляных пластов, которые тамля в себе сицирийская зелья. Отсюда и пошло название семьи — Усолье Сибирское. Только не узнав сегодня старое сибирское село. С каждым днем растет Усольский гигант — химический комбинат. Всесоюзная ударная комсомольская стройка.

С началом строительства этого комбината и перенеслось Усолье. Превратилось из маленького села в город — небольшой покор город, но ра-

ку на то, что было уже построено, Шкуропата приказ разобрать кровлю и снять полы. Кровлю перекрыли заново, полы паркетили. Ободрали штукатурку во всем здании, оштукатурили все стены. Через четыре месяца закончили все основные работы. Здание было списано.

Наверное, именно после этого случая в тресте «Востокстрой» сложили что-то вроде пословицы: «Если уверен, что сделать ничего нельзя, поручи это Шкуропату!»

И когда пришлось время обывать цех карбидов, один из крупнейших комплексов комбината, пусковым объектом, когда эта самая ситуация — «сделать ничего нельзя» — стала повторяться все чаще и чаще, Юрия Шкуропата «бросили на карбид».

До пуски оставались считанные дни...

В кабинете управляющего трестом Владимира Николаевича Гришина шла совещание, когда в дверь появился прораб ис карбидов. Все головы тревожно повернулись к вошедшему: ничего хорошего его неурочное появление не сулило.

— Две опоры под трубопроводом дали трещину, — мрачно доложил прораб.

Юрий Александрович, — обратился Гришин к Шкуропату, — обязательно посмотри завтра с утра, что можно сделать.

— Если можно, я сейчас, — поднялся Шкуропата. И ушел вместе с прорабом.

После совещания Гришин не выдержал, позвонил на стройплощадку. За Шкуропату ходили долго, наконец в трубке послышался его голос:

— Менять опоры надо. Больше ничего сделать нельзя.

— Менять! — завопилась Гришин. — Ты тогда утреком пораньше заходи. Торопиться надо. А то не успею...

Шкуропата помолчал, потом коротко сказал: «Ладно».

Когда на следующий день управляющий строительным трестом в восемь часов утра вошел в своей кабинет, Шкуропата уже ждал его.

— Ну, что, надумал? — спросил управляющий, на устье даже снял пальто и отменяя про себя, что Шкуропата выглядит неспявшимися и уставшим. И что совершенно несвоевременно ему, всегда «шкуропату» и подгнутую, си набр... — Как надумал, ментя!

— Уже все в порядке, — сказал Шкуропата. — Что в порядке! — не понял управляющий.

Юрий с грустью подумал о том, сколько разных планов пролили они с Галией на то заманчивое время, которое называлось у них «после карбидов», и... согласился...

А теперь я должна сделать небольшое отступление для того, чтобы познакомиться с еще одним Юрием — Юрием Порфирьевичем Грохотовым. Хотя Порфирьевич — это, пожалуй, не обязательно. Так же, как не обязательно величать Шкуропата Юрием Александровичем. Потому что им по 29. А выглядит оба и того моложе.

Я хочу представить вам Юру Грохотова, потому что невозможно рассказывать дальше об одном Юрии, не говоря о другом. Потому что Юра Грохотов — главный инженер того же СМУ-3.

В отличие от Шкуропата, который все время лет, прошедшие со дня окончания им Томского инженерно-строительного института, проработал в Усолье, Грохотов немало поработал по саяту, прежде чем, по его собственному признанию, «нашел то, что искал. Работал и на Алтае, и в Новосибирске, и на Украине. Пришлось строить и жилье дома, и клубы, и коровники. Но все время на погоняло его чувство, что делает он что-то не свое. Так и метался с места на место больше трех лет, пока не прочитал однажды в газете о том, что далеко в Сибири, в городе Усолье, сооружается гигантский химический комбинат.

...Да огромных круглых резервуаров — радиальные отстойники — как называют их строители. Очистные сооружения. Вряд ли нужно объяснять их значение для химического предприятия. Первая совместная работа Шкуропата и Грохотова.

Котлован копали уже месяц три. Все, что удавалось вырыть днем, за ночь почти полностью выравнивал пльну. Было от чего прийти в отчаяние.

Мне так и не удалось установить, кому первому пришла в голову эта идея: Шкуропату или Грохотову, тот уверяет, что лишь принял участие в расчетах.

Но мне нетрудно представить себе, как это могло быть.

Он сидел дома за столом, что-то читал, писал, считал. Уже не первый вечер. Но на этот раз... Он даже пристал. Проблжал еще раз колонки цифр и... не выпуская листка из рук, разнулся к телефону.

— Квартиру Шкуропата!— крикнул он телефонистке, притаившейся от него в углу. — Юрий Еста! Котлован рыть не надо! А ты еще не спишь? Тогда я сейчас!

— Куда!— анула жена.— Дожди-то какой! Действительно, дождь. Схватил с вешалки пальто, Шу, черт, сапоги, пошел ледяные... По черным, несчетным улицам, через пустирь, с усилием выдирая из грязи ставшие сразу пудовыми сапоги. В знакомый двор. Воглом на второй этаж. В светлом проеме двери— высокая Юрина фигура, абу!

— Резервуар поднять над землей. Укрепить. Сделать деревянные откосы. Два носаса— чтобы качали воду. Сейчас все покажу.— Куда плащ повесить — с него тепа?

— Псики,— ворчит алапа.— Фанатик!— А сама тучка улет на стол карандаши, бумагу, логарифмическую линейку.

Проснувшись среди ночи, она видит под дверью соседней комнаты полосу света, встает с постели и смотрит в щелью на две головы, склонившиеся рядом над столом. Светлую, кудрявую,— мужа и Юрину, положку на резервуарного эма. Смотрит долго, пока не замерзает босые ноги...

А может быть, тогда это было совсем не так. Значит, так было в другой раз. Или еще будет. Потому что Гроховос знает— надо только сказать «Есть!». Хотя осуществление новой идеи принесет больше всего хлопот именно Шкуропату как начальнику управления.

...В кабинете Шкуропата заканчивается совещание. Загremели стулья, голоса слились в общий гул. Самый нетерпеливый курьелчик уже высочил из коридора, доставая в руку сигарету.

Сейчас начнется час испитаний для секретарши. Она еще никак не склоняется над пишущей машинкой, чтобы ничего не видеть и не расстраиваться, ибо по опыту знает, что будет дальше.

Сейчас она должна вспомнить, что забыл что-то сказать кому-нибудь из прорабов, и совершенно неследило брнудса за ним в догонку по коридору, вместо того, чтобы позвонить ей и сказать, когда она войдет: «Попросите ко мне такого-то». А потом они будут долго спорить в приемной, забыв зайти в кабинет, а в довершение всего Шкуропата поднимет прямо здесь, в дверях, какую-нибудь бумагу, подставит колени и стоез, как журавль, на одной ноге.

Вместо этого закаленное секретарское сердце вынести не может. И Гроховос не лучше... Об авторитете бы своим позаботились. Пыталась несколько раз говорить им— только смеются. Раньше, при старом начальнике, как было— снимет трубку: «Соедините меня с главным инженером...». А эти бегают без конца друг к другу в кабинет— будто телефона у них нет. Через месяц вместе работают, а вчера Гроховос первый раз начальнику позвонил, спросил что-то. А потом высочил из своего кабинета, сунил голову в дверь к Шкуропату.

— Ну вот,— говорит,— первый бюрократический звонок состоялся!

И хочут об а. Мальчишки!
— Это было больше пяти лет назад, когда Шкуропата работал еще мастером. Старший прораб ушел в отпуск, и Юрия назначили им. Этого месяц своей жизни он до сих пор вспоминает с ужасом.

Сказалось, что Юрий, бывший самым сильным среди мастеров, оказался совершенно не в состоянии справиться с новой должностью. Фонды заработной платы, использование механизмов, отношения с субподразделениями организациями, составление актов сдачи объекта— все было для него тайной за семью печатями. Институты атому практически не учили, а работав мастером, он с такими вопросами почти не сталкивался. Иногда появлялось желание бросить все и бежать куда глаза глядят! Конечно, постелено Юрий во всем разобрался. Но много напряжения, каких нервов это потребовало, скольких бессонных ночей! Сколько раз приходилось «изобретать велосипед»— самостоятельно «доходить» до того, что было абсолютно истинной для предшественника.

И вот, помимо о том, что за ним идут также же молодые и неопытные, какии были он сам, Шкуропата, став начальником СМУ, задурился о том, как облегчить работам это «проектирование». Ведь растут люди быстро. Все «коллективное обучение»— мастер— прораб— начальник участка— многие проходят за два-три года. Нельзя ли постепенно готовить каждого молодого специалиста к следующей должности, расширить его кругозор? Пусть мастер знает о том, какие проблемы встанут перед ним завтра, когда его назначат прорабом. Пусть каждый прораб учится представлять себе работу своего участка в целом, глядя с тому, что его ждет в скором будущем должней увеличивая участка. И если сегодня это создает дополнительные трудности и для начальника управления и для главного инженера— завтра им же самим будет легче работать с этими людьми.

И теперь в СМУ-3 никто не удивляется, когда на совещание начальников участков Шкуропата приглашает прорабов и даже мастеров.

И Гроховос воспринимает как должное, если на стройплощадке мастер просит его разъяснить какой-нибудь вопрос, который казался бы, должен интересовал лишь старшего прораба.

Они понимают друг друга с полуслова— два молодых инженера, стоящие во главе СМУ. Поэтому что они единичильнички. Здесь у них все общее— заботы и радости, поражения и победы. У них совсем разные лица. Бледное, большеглазое, с постоянным выражением какого-то удивления— у Гроховоса. И худощавое, смуглое— у Шкуропата. Оно было бы, пожалуй, усовым, ронинским чубом и глазами нестерпимой голубизны. И вместо суровости получили просто сдержанность, словно обдумывает он про себя что-то очень важное.

Но когда мы с ним стоим молча возле карбидной чашки, где беснуется и гудит белое пламя, мне кажется вдруг, что они чем-то похожи. Навер-

ное, потому, что на лице Шкуропата— то же выражение спокойной гордости человека, хорошо сделавшего свое дело, которое видела я у Гроховоса— там, возле двух огромных круглых резервуаров, поднятых над землей. Когда показывал он мне своих детище. Свои поиски. Свои тревоги. Свои бессонные ночи. Свою победу.

Иногда, казалось бы, пустяк, мелочь может сказать о человеке больше самой пространной характеристикой.

Мы сидим с Ритой Гроховосой в их уютной квартире и смотрим фотографии, сделанные Юрием во время их летнего путешествия по Болгарии. Рита, иронически улыбаясь, подсказывает мне один за другим снимки различных зданий— маленьких и больших, уже готовых, новеньких, что говорится, с голычюи, и еще одетых в леса. Но в Болгарии,— смеется она.

На двух-трех фотографиях у подножия какого-то огромного строящегося здания— тоненькая Ритина фигура.

— Упрямая,— усмехается она.— Все-таки пе-мать...

Да что они, говорю, кто ли! Да два часа назад я слышала почти такую же историю от Гали Шкуропата— с той лишь разницей, что дело происходило в Чехословакии.

— Все на экскурсию, а он с раннего утра куда-нибудь на стройку; еще накануне примостер. Вернется к обеду, еще грязный, лидаик порок. Но сияет...

Оба женщины иронизируют, подтрунивая над своими мужьями, но чувствуют, что в глубине души они гордятся ими именно потому, что через всю жизнь обоих Юрия, как главная музыкальная тема симфонии, проходит святая одержимость своим делом.

И пусть они живут в совсем не романтичном городе. Пусть не начинали они с первого колтышка. Оба они романтики в самом высоком значении этого слова.

■ В Иркутске я видела плакат, на котором художник изобразил Сибирь, молодой девочкой в рабочем комбинезоне с мастером в руке. Пожалуй, это очень точно характеризует облик сегодняшней Сибири.

Я встречала здесь бригадеров с косилками, по-прежнему связанных на затылке, безусых промышленников, руководителей трестов и директоров заводов, едва вышедших из комсомольского возраста.

Слова поэта о том, что коммунизм «заводит молодых», подтверждаются здесь не как плакаты, лозунги, а как простая констатация факта. Страна доверила Сибирь молодым.

И для меня они будут олицетворением сегодняшней Сибири— три парня, о которых я вам рассказывала. Три молодых коммуниста. Три представителя славяного племени романтиков, чье не легкое назначение— быть хозяевами этой земли.

Степан ШИПАЧЕВ

13
НОВЫХ
СТИХОВ

Колоде

И грозы сияли,
и зной
наваливался юлом,
и он золотился,
резвился,
и таямство стельб
сутулял.

Он с солнцем простится
готов,
он с ветром готов
проститься.
Войдет в миллиарды пудов
его золотая частица.

Женщина

и море

Женщина морю улыбнулась,
нагнулась, уюно воды коснулась.
А море...
Вначале к лодышкам пригнуло оно,
потом на икотину плеснуло волной,
потом... потом погладило по бедру...
Оно бы еще продолжало нгру,
но женщина опять улыбнулась,
попежания, руки вперед протянула
и... бросалась ему на грудь.

В бору

Ушли, затерялись в бору.
Где братец, не знают сами.
Лишь сосны под небесами
чуть слышно шумят на
ветру.

Ей трудно: валежник да корни,
а туфли немаложко тесны.
В ее волосах непокорных
застрыпна иголки сосны.
Усталы. Истощены в теле.
Где сосны дремлют тихо,
глазкая поляна постелет
сухие и мягкие лжи.

МАРШ МИРА

ИТАЛИЯ

Римский корреспондент «Правды» в статье, напечатанной в «Смене», рассказывает об итальянской молодежи.

Приста семьдесят молодых итальянцев выехали в Милан за несколько дней до того, как кончился март, который итальянцы называют «бешеным», в марте погода бешеная, — есть в Италии такая поговорка. Воле Милана и Турина на автомагистралях бунтовали застрявшие автомобили, падал снег на Капри и Салерно, принудившая Neubrandenburg и распухшая туристов. Писали ночами жалозные корунички, осыпая которых обращения и Апеннинскими отрогами. «Трамонтава» — ветер с гор притягивает неприемлемую для «вечного города» стужу. Я сидел на ступенях каменной лестницы, которая от площади Испании летит вверх к церкви «Тронци» на горах. Слева — бывший старый дом, в котором жил Байрон. Если зайти в церковь и заглянуть вправо, братские и черные и заглянуть вправо, в котором укреплена мраморная доска, напоминающая, что здесь останавливался Николай Васильевич Гоголь. На улице Кондотти над столиком кафе «Грени» хозяин прирепил его барельеф.

— Синьор Никола завтрачал у нас, — фамильярно похлопывая по барельефу, завлечет юный владелец кафе.

Я сидел на ступенях парней, которых называют «напеллони» — длинноносые. Эта площадь и белая лестница — то место, где они обычно собираются. Приходят, вытаскивают гитары, поют, шумят, едят бутерброды и иногда задирают прохожих. Честно говоря, эти сборища мне не очень-то нравятся. Наверное, просто глаз не привык видеть женские шевелюры на юношеской голове. Но власть ижу-

Модена. Марш мира молодежи.

Неаполь. Полиция разгоняет демонстрацию безработных.

щим, кажется, эти волосы не поиразились сверху. Одиноким ворвались на территорию полчища «кремлевных» выпрыгнули из них агенты с дубинками, ширились парней в кузове и увезли. Произошла драма, выключен отлутили и заперты на ключья в туристских вестах...

Запреты эти, правда, никакой пользы не приносит. «Интрадизинченце» («нетерпимый») — так называют себя черногазгань парнишка, который усаживался рядом на стульчаку.

— Я ему вчера дал, а он как замахнется, а бешеный — хвастает он о столкновении с полицией. Парня он роняют меня, глядя с недоверием. Я наусуи, ни безнадёжно стараясь...

— Мы не можем перенести этот подлый мир, — говорит черногазгань. — Хочешь, знать нашу лозунг: «раб-ини» — бешенство, бешенство против всех...

У парнишки нежное лицо, светлая, совсем не южная кожа волос и убежденность проповедника. Он ничего не видел, не испытывал, мало что знает, нигде не бывал. Он полагает, что мир, окружающий его, — мир гнусный и пошлый. Работа сыплет в него в лицо кучу обманных, будто все, о чем больше тридцати, несут на себе ответственность за то, что они, которые меньше двадцати, еще не пригнулись к миру, не нашли себя, считают лучшей формой протеста гитарная задрожавшие туристы, длинные волосы.

Боченко, а не могу сказать, что «каппелло» — символ современной итальянской молодежи, что римский или миланский клубы «Пайлер», где танцуют швей парни в лыжных куртках и девчачьи в коротких блестящих юбках, являлись или лыжников, почти футуристских юбок, то единственное место, где под неусыпным полицейским оком проводят свои дни и вечера все те, кому меньше двадцати. В Италии есть много людей, политических группировок, которые очень хотели бы свести действительность молодежи вот и этим «Пайлерам» там совсем нелюбо; по-современному уютно, играет оркестр местных «блупов», танцуют, танцы минимальную воду и альпийской написто, это тутается на Миты Медичи, бывшей римской шопианцы, свившейся в одном наущающем фильме.

сделать образ молодого поколения. Мита, ей сейчас шестнадцать лет, очень красива, красива, красива.

— Послушай, Мита, что ты хочешь? У тебя есть идеалы?

— Они смотрят на меня своими огромными глазами, понимают планчики.

— Пусть мне не мешают танцевать. — Когда ты бросила учебу?

— Сын классик, потом школа секретаря-машинистки. Я ее не окончила. Мне учиться было скучно.

— Как ты смотришь на будущее? — Будущее? Скучный вопрос. Мне в голову не приходит думать о нем...

— Ей все очень скучно, эти девчачьи, которая вдруг стала знаменитой на всю Италию.

— Я встаю в одиннадцать. Занимаюсь своим лицом. Мне нравится золотистый тон. Глаза, волосы, это все сложно привести в порядок. Потом звонят друзья. Мы встречаемся где-нибудь. Разговариваем молчалим. И танцую. Я очень люблю танцевать шейн или фруг.

— Что вы думаете об ответах Миты? — спросил я ее одноклассника возле римского лица «Джулио Чезаре», что на Тринкестро проспекта Рима. Мы пьем кофе в маленьком баре «Тортуга» — тут всегда повернувшись, стоит лустая гол голоса и табачный дым голые чертания лиц.

— Кто такая Мита? А, из кинофильма «Алетом»...

— Мы наглавать на эту юную знаменитость.

— А, просто дурочка, — отмахивается пятнадцатилетняя Ливия.

— Бо! (Это знаменитое римское вослицательное выражает всю гамму чувств) Повзело ей. Но сделать из нее наше знамя или представить Миту идеалом молодежи просто глупо.

И вообще она криклется и говорит то, что ей подсказывают, — заявляет парней со значком на груди. На значке — распластанный крапль и надпись: «Будем любить, а не воевать!»

Вот такого парнишку вынули на дичь на февральской школке. Директору понаказало, будто лозунг на значке противоречит христианской морали и законам государства.

— Медичи? Мита! Знаете, синьор советник журналист, мне эти разноцветные карьеры «рагашице» (девчонки)

набили оскомину. Я смотрю картинки, в которых они участвуют, и думаю, что нас, в общем-то, принимают за чуждых дурков.

У парня авторитетный тон и безальпийское суждения обо всем. Он ругает картинку о молодежи и дал молчаливо.

«Они все нигилисты, как русские в прошлом веке», — повторяют сонливые газетчи и отчаянные научными стелениями социологи. — Они все отрицают, против всего протестуют. Они «бешеные» из принципа, бессмысленно, просто так.

«Они все нигилисты, как русские в прошлом веке», — повторяют сонливые газетчи и отчаянные научными стелениями социологи. — Они все отрицают, против всего протестуют. Они «бешеные» из принципа, бессмысленно, просто так.

«Они все нигилисты, как русские в прошлом веке», — повторяют сонливые газетчи и отчаянные научными стелениями социологи. — Они все отрицают, против всего протестуют. Они «бешеные» из принципа, бессмысленно, просто так.

Такая обстановка очень удобна своей примитивностью и возможностью, которые она открывает при объяснении нежелания большинства юношей и девушек принимать в качестве вечных и неизменных принципы, лежащие в основе капиталистических порядков. «Они просто воюют. Их протесты от возраста. Станут взрослыми, пойдут и перестанут протестовать».

В Италии растет сложная и очень интересная молодежь. Мифы Миты Медичи, Катерин Спалли, Стефанин Самарелли — юных звезд киноэкрана, которых пытаются сделать носителями образа молодого поколения, рассыпаясь при первом же столкновении с реальной действительностью. Ну, конечно же, есть здесь и «каппелло» и «Пайлеры», и увлечения музыкальной «бит». Однако это занимает только минимальную часть жизни молодежи и в лучшем случае говорит о мимолетном впуске, не о настоящих и не о принципиальном отношении и политическом и социальном мнении. Более того, каждый прошедший год «политизирует» молодежь. Фестивали итальянской песни и Сан-Ремо могут нравиться или не нравиться.

Могут нравиться или не нравиться песни, которые поются там. Но поспотрите, как меняется картина: вчера это был «бешеный» в случае рыдания по разбитой любви, где пошляк слов и затейливость рифм совпадал с изысканностью мелодии. Теперь в Сан-Ремо поют о революции, о том, что молодежь должна бороться за мир, об общественной позиции людей, о том, что на земле не должно быть равнодушия. И вот так на нас наваливается быт и свое личное личное счастье.

И эти песни в известной степени отражают настроения молодежи, ее гонимые стремления, ее активная участии в больших процессах, происходящих в Италии, участии в революции. Разумеется, я не хотел бы, чтобы меня поняли так, будто все юноши и девушки Италии одинаковы, все полонителем.

Конечно, есть здесь и молодые фашисты, и оные бездельники, и хулиганы, и воры. Водораздел проходит здесь не по возрастному признаку, а по классовому.

Недавно я вернулся из Милана. Он считается самым богатым итальянским городом, центром экономической и финансовой жизни государства. Достаточно сказать, что его жители платят почти 30 процентов всех налогов страны. В Милане находится правление крупнейших монополистических трестов, в частности химической трест «Монтэдиссо», который занимает третье или четвертое место в мире, соперничая с американскими корпорациями. Недавно этот трест купил контрольный пакет акций рижского завода «Тайверс компани», что находится в квартале Порточано.

Эта сценка оказалась решающим влиянием на судьбу двадцатипятилетнего следователя Адриано Сноди и его жены, двадцатилетней Сильваны, которые только что сказали свое «да» перед алтарем. Накануне свадьбы Адриано потерял работу. Письмо с извещением о увольнении было великим и ланкомичным.

«Тайверс компани» в связи с прекращением производства сообщает вам о расторжении трудового контракта и т. д.». Короче говоря, Адриано вынужден был выкинуть на улицу. А вместе с ним

Страстно и глупо осуждает в своих песнях американскую агрессию по Вьетнаму Джамби Моранди — один из самых популярных молодых певцов Италии.

На каменной лестнице площади Испании в Риме собираются «каппелло» — длинноволосые, танцуют, поют, спорят...

еще это человек — тележник, слушавший рабочих этого великого завода, когда выступал на собрании производственного управления для констатации того, «Мне давно нужна организация завода так как он был конкурентоспособен и работал на экспорт». Ночью, в ту ночь, были вывешены символы оборудования и запасы сырья.

Отчет рабочих (80 процентов из них — немцы) был встречен быстрыми решениями. Они заявили заводские цеха. «Миним и труд производимых машин на ремонтных заводах», — вывешено на плакате, историческое слово и колоритная фраза: «Адриано Сиочи и Силвазза, его жена и дети» — и объявлено, что «мерс немцы». Он пришел сюда в черном костюме, а она в белом повела за собой в черной юбке, как положено по обычаю. Конечно, в конце месяца они выехали из города, но жить в цеху, спать на столах и верстаках, пытаться «новое». И в то же время, Адриано, который до этого никогда не принимал участия в работе и никогда не занимаясь политикой, стал одним из активистов в группах с ними и его женой, который вот уже более месяца вместе с другими рабочими не выходит из цеха. Он занимается занятиями. Адриано считает английские «битлов» лучшим музыкантом в США, любит читать политические песни. Оба они охотно ходят на немобильные фильмы с 20 минутами, смотрят телевизионные абстрактные обзоры. И в то же время они не танцуют и не увеличивают «битлавы».

— Главное в том, чтобы утвердить в Италии справедливость, чтобы хозяева платили за работу и уважали права как заблуждаются. Ведь нам надо завоевать право на труд», — говорит Адриано.

Право на труд, на равную оплату труда, отстаивают марксистские идеалы. Сотни тысяч юной броской молодежи и отвлеченных студентов страны из поиски работы. Десятки миллионов граждан Италии обделены. Только женщины, старики да бедняки. Эти молодые люди выжили на заповедных, парии из Изабеллы или Алулия, с островов Сицилии и Сардинии, густо стаяли на фермах, в курских помещиках, рубят уголь в русских шахтах, строят гидроэлектростанции в Альпах. Дома работы являлись трудом, очень трудно один из десяти тысяч человек обрести уют, работу, предприятия и социальные льготы.

«Национальный институт социального страхования», полукооперативная организация, финансируемая государством, объявил конкурс на замещение 100 мест чиновниками третьего класса. 75 тысяч человек со всех концов страны откликнулись на это объявление: юная и девичья, едва окончившие школу, убежденные сержанты и солдаты бетонно-бетонных кубов огромного здания, выстроились вдоль улиц под немилосердным зазором — «Чинчизалла труду». Только единицы сумели провалиться в помещения, где чиновники задавали листы с экзаменационными вопросами.

Для итальянской молодежи борьба за право на труд не абстракция, а будничная, конкретная, связанная с действительностью, с борьбой за существование. Более правдиво, чем когда-либо сейчас в Италии первое в жизни рабочее место. И очень многие отчетливо понимают, что изменить положение можно только путем активных действий. Речь идет о том, чтобы добиться места. Приходится заступать за себя на предприятиях и в учреждениях. Зимой здесь закончилась почти годовая борьба мясников рабочих металлургической и машиностроительной промышленности. 11 месяцев хозяева и слышать не хотели о том, чтобы удовлетворить требования работников. То есть они даже соглашались нечего увеличивать зарплату. Но именно образом не желая признать за профсоюз организации право участвовать в разработке производственных процессов, норм выработки, изданных законодических постановлений, определяющих численность персонала. «Если мы применим эти требования, заявляя председателю конфедерации промышленников Адриано Ности», — то предприниматели потеряют свободу маневрировать производством».

Мне вспоминается провозглашею неброское утро. Серый рассвет. Пыльные вьюги проносятся над улицами и автобус, малоразношерстные машины гуляют. «Васкум, все баскум!» — слышится кто по обочине финиша, побитому и бласку. Жандармерия патрулирует главные бульвары, по подсвеченным газом у поюса, тинелые ду-

бинки. Молодые рабочие парни в пиджаках, в лапидарных, в колоритных мушкетерах. Стены против стены.

Молодые великолепно показывали себя в ходе стачек. В мае состоялась операция, которую первыми поднялись против власти в городе стачки. Началась всеобщая забастовка, — говорит секретарь Туринской конфедерации рабочих, Адальберто Минуччи, такой не молодой, как и революционер.

И самый главный результат этой борьбы — это то, что рабочие добились пойти на уступки, как вынуждены уступить «хорошие» цеховые и рабочие комитеты в стачках. Буквально всеобщую Италию, не только в области токарных станков, но и в других областях. Была борьба рабочих против хозяев, против капиталистов. Рабочие действовали, и это очень важно, но слез в этой стране единый характер. Рабочие добились каталонской социальности рядом с беспартийными. Стремление к единству особенно характерно для итальянской молодежи — будь это единство за забастовками в местных стачках, в студенческом движении за демократизацию школы и университетов или в батальной борьбе за землю. Неудовольствие по Италии прокатилось волна студенческих выступлений. «Ганге беспорядки надо подавлять», — кричали газетчики. Студенты дания ряда университетов, институты изданных искусств, а также в университетах. «Ринской» экспериментальной школы много, откуда вышли многие из нынешних самых больших режиссеров и актеров. Почему начались беспорядки и стачки? Почему? И почему. Однако основа одной стачки требуют проведения глубокой реформы высшего учебного заведения, такой реформы, которая сделала бы доступными для молодежи современным и демократическим. Студенты хотят, чтобы их организации имели бы возможность вместе с ректоратами обсуждать проблемы, связанные с учебными процессом, с внутренне жизнью университетов.

Кто выступил против буржуазно-фашистские студенческие группы «Караваля», среди членов которых находились те, кто убил студента-коммуниста Паоло Росси. На Фауланте восточной Италии, в провинции, обстановка. Ребята часто расходились в оценках, не соглашались друг с другом, когда речь шла о больших проблемах, которые касались путей буржуазной Италии. Но они были вместе. Я видел рядом с ними в институте искусств, а также на проспекте Умберто в Риме, слушал эти споры, страстные, непринужденные, пришедшие к единому мнению, самоотверженности студентов и учителей и ослепленные и тоскующие долгой изоляцией.

Видя этот раз и девять, которыми чуть больше двадцать, я вспомнил одно сентябрьское утро прошлого года. Город Модена. Центральная улица. Группа журналистов возле башни «Грандана», которую, говорят, построили еще древние римляне. Наряду. Вот уже два часа проходит мимо нас колонна молодежи. В день открытия национального фестиваля «Уинты» — органа Итальянской коммунистической партии — шла в Модене манифестация солидарности итальянской молодежи с Борнием Вьетнамом. Колонны движутся, окруженные полицейскими. Потом полиция газетово в этот город согнала «силы порядка» всего южного Италии. Красные рубашки парней. Нарядные девушки. Тысячи плакатов и рисунков, отступающих вперевод, гневных. Песни, где самые величайшие поэты Италии и президенту Дионуно, были «бой» — пламя. Мне казалось тогда, что все молодое Италию вышла на улицы этого небольшого города, протестуя против агрессии. Итальянцы увидели в этом демонстрации площади Турино, когда после короткого перерыва они собрались на площади петиции и итальянскому парламенту с требованием снять свое слово против действий американских агрессоров».

«Молодые говорят влево», — писал недавно один журналист, который проводил анкету среди студентов, рабочих, чиновников и крестьян. — Они хотят изменить окружающий мир. Иногда желая изменить все, но основываясь на идее правильно. Иногда недовольство выражается наругу, принимая неконкретные формы. Часто молодые отказываются принимать участие в политической деятельности и итальянскому обществу считать, что она пассивно занимается собой и стремится исключительно к развлечению. О молодежи можно сказать много критических слов, но нельзя обвинять ее в безразличии и апатии. Она очень участвует в жизни страны и мечтает, иногда не понимая как, изменить мир вещей. У нас — слабая молодежь».

ВСТРЕЧИ ДРУЖБЫ

Позавчера наезд, демонстрируя солидарность с республиканской Советов, рабочие Италии говорили: «Мы с тобой, Россия!» Их винили — итальянские комсомольцы, испугавшись впервые на советскую землю в Московском аэропорту «Шереметьево», ту же мысль, не так часто выраженная песней. Дружно грянула русская «Катюша». Песню подхватили юноши и девушки, пришедшие встретить друзей из Италии. Песня выплеснула в московские улицы, с ней они приехали и гостиницу «Юность», стоящую на несколько дней впереди, восточной итальянской молодежи в Московском аэропорту. Рим, Генуя, Милан, Турин, Сена, Агридженто. Эти города были представлены посланными молодежи Италии, членами ИФКМ — Федерации молодых коммунистов. Наши соратники и друзья приехали, чтобы обменяться мнениями о проблемах, испукающих юности обеих стран, чтобы сотрудничество братских союзов молодежи стало еще плодотворнее.

В беседе с нашим корреспондентом национально-патриотический ИФКМ ИЮНО ПЕТРУЧЧИО ИСААКОВ от имени всех комсомольцев Италии:

«50 лет назад зал «Лавреры» произвелась наступление новой эры в истории человечества. Комсомольцы Советской страны — наследники Великой Октябрьской социалистической революции. Мы наследники тех, кто в те годы подвинул ее в нашей стране. Неме Советский Союз — молчалив во всех отношениях держав. На нас огромное впечатление произвела уверенно промываемое развитие, достижений коммунистической республики. И все свои богатства, всю мощь ваша страна направляла на благо народа».

Большой праздник советского народа — наш праздник. Мы готовимся к нему. Октябрьской революции, их труд Советского государства будут посланы различные задания. Мы хотим использовать любовь Советской власти для проведения обширной научно-исторической работы, изучении проблем социализма коммунистического движения».

Ио с ним же: Митинги дружбы советской и итальянской молодежи в московском Дворце пионеров.

ление мельчайших красящих частиц — явление редкое, но не исключительное, и может перенестись на многократные расстояния. Иное объяснение случившегося предлагает нам наш мушкетер, владелец бара «Юрион» и лидер клуба «Бешеных» Леамин Кошман. «Ищите красных», — говорит он, — иначе они окрасят нам не только политику, но и воздух, которым мы дышим». Не в связи ли с этим был избит при выходе из бара провазавший наш город Нью-Йоркский адвокат Рой Десмонд, отказавшийся ответить на вопрос, за кого он будет голосовать на предстоящих президентских выборах? Привыкшие на место происшествий полицейские, и сомнению, не смогли обнаружить виновных».

Интервью с адмиралом Томпсоном, опубликованное журналом «Тайм энд пипл», было озаглавлено так:

«САНД-СИТИ — ЗАЧУМЛЕННЫЙ ГОРОД, ГОВОРИТ АДМИРАЛ. — ЛИЦЕ АХИЛЛЕСОВУ ПЛЯТУ У РОЗОВЫХ ОБЛАКОВ».

«За последние дни маленький южный городок на федеральном шоссе № 66 привлек внимание всей Америки. Газеты уже опубликовали сообщения о красном тумане, внезапно окутавшем город, и рассказ новмеического агента Дэйви Беннера о странных событиях в городе-двойнике. По этому поводу наш корреспондент беседовал с отставным адмиралом Томпсоном, участником американской антарктической экспедиции и первым очевидцем действий розовых облаков.

— Ваше мнение о событиях в Санд-сити, адмирал?

— Просто Томпсон. Частное лицо без мундира. А мое мнение — это тревога обыкновенного человека о будущем человечества.

— Вы считаете, что есть основания тревожиться?

— Да. Облака уже не ограничиваются моделированием отдельных личностей, а синтезируют целые общественные массивы. Я приведу только последние примеры: океанский лайнер «Алмейда» со всей командой и пассажирами, утонувший в Буффало в день распродажи на завод пластмасс в Вашингтоне. Не может же случиться все одновременно один и тот же сон, будто бом с бом с их заводом вырост, а потом исчез завод-двойник, заводчик. Меня никто не уверит в том, что это был миф, вызванный разницей температур в неодинаково нагретых слоях воздуха. И не важно, что его существование измерилось минутами. Важно то, что никто не ответил мне со всей убежденностью, какой из двух заводов исчез и какой остался!

— Говоря о событиях в Санд-сити, вы сказали в клубе «Аполло», что город зачумлен. В каком смысле?

— В прямом. Город требует изоляции, систематических тестов и неослабного наблюдения в дальнейшем. Проблема та же: люди или двойники? И сомнению, ни власти, ни общество не проявляют должного внимания и этой проблеме.

— А вы не предвидели, что? — возразил наш корреспондент, — разве можно упрекнуть стражу в равнодушии и пристрастиях?

Адмирал ответил так без иронии:

— Невеза, конечно, если говорить о клубах «розовые облака» и о прикрасках «касадины индустри». Или, скажем, о съезде спиритов, объявившем ахилесом душой ушерши, вернувшихся в мир с даром божественного могущества. Каюс ух тут равнодушию? Или вы имеете в виду сенаторов «фиделистеров», провозвещающих «касадиных» двенадцатичасовые речи, чтобы провалить законопроект о калосах на нурные «состояния» Ири биржевых маклеров, использующих облака для игры на полемиях? Или проповедников, провозвещающих застывающую ночь мира? Или, может быть, продюсеров танки фильмов, как «Воб Меррило» — победитель «касадины индустри»? Все это лопнувшая канализационная труба, не больше, а я говорю о другом...

— О войне?

— С кем? С ахиллесом? Я не знаю, чтобы считать человечество достаточно вооруженным для борьбы с цивилизацией, способной из ничего создавать любые атомные структуры. Но при всем том могуществе — добавил адмирал, — у этой цивилизации может оказаться слабое место, свой ахиллесов пята. Тогда почему бы нам не попытаться ее? Мне кажется, наши ученые не слишком аналитично стремятся и инстинктам, причем не только в смысле взаимопонимания между людьми и пришельцами, но и в смысле прямого, непосредственного, так сказать, пространственного общения с гостями из нирмоса для их изучения и ликвидации. Почему до сих пор не обнаружены их замаяга стонина, штаб-квартира на нашей планете? Я бы послал туда не одну экспедицию, чтобы наряду с другими проблемами попытаться и проблему их уязвимости, их ахиллесову пята. Тогда все дальнейшее предстало бы для нас совсем в другом свете».

Обе вырости вместе с письмом Мартина в первую очередь уже и самолете. Мы расклялись

Закрой глаза — и будто летить по реке в быстрокрылой байдарке. Ведет урок Петр Максимович Коломоец.

Фото А. БОЧИННИА

БАЙДАРКИ- ЦВЕТЫ ДНЕПРА

Только-только сошел с Днепра лед и уже заплыла жизнь в маленьких разноцветных домиках, разбросанных по всему Левобережью. Водные базы Херсона первыми встречают веслу. Там бывает из года в год. Ведь гребной спорт — спортивная специализация Херсонщины. Здесь начинали многие знаменитые спортсмены — победители всесоюзных и мировых чемпионатов. Иван Сотников (он был рыбаком, «с ходу» занял первое место на областных соревнованиях, выступал на олимпийских играх), Люба Синичина — член сборной СССР (маленькой девочкой пришла она на детскую водную станцию, не умев даже плавать, а через три года стала мастером спорта), заслуженный мастер спорта Николай Коининов (сейчас он преподает в школе из вузов Николаева)...

Город дал советскому спорту одиннадцать чемпионов страны — байдарочников и каноистов. Большинство из них — воспитанники детской спортивной № 2. Раннее утро. Херсон только собирается проснуться. А на пристани уже сидят стайка мальчишек, находящихся от знобящей утренней прохлады. Они ждут переправы. Вот наконец и причалу подходит моторка «Пионер» — собственный транспорт шлювы.

В этом году школа отмечает свой юбилей — десятилетие. Один из ее основателей — заслуженный тренер УССР Петр Максимович Коломоец. Начнал он с неслыханными умениями, а теперь у него более двухсот подопечных. Особенно любит ребята многодневные учебно-тренировочные походы. Тут уж их не оставят ни сильный ветер, ни проливной дождь. В этих походах ребята совершенствуют мастерство, обретают силу, выносливость, знакомятся с родным краем, его природой и историей.

Однажды в плавках реки Северинки юные гребцы обнаружили заброшенный мост. Потом выяснилось, что здесь похоронена девятилетняя погибшая в боях с врагелевцами. Могилу привели в порядок, и школьники теперь постоянно ухаживают за ней.

Этим летом у херсонских гребцов много важных соревнований. Они твердо намерены добавить и кубку Украины, переданному школе недавно, призы Всесоюзной спартакиады школьников.

В. МАКСИМОВА

Обработка старта. Кто первым вырвется вперед? Это упражнение повторяется на тренировке десятки раз.

Одно неверное движение и... У новичков такие вот аварии случаются довольно часто. Поэтому-то всегда наготове «скорая помощь».

Четверки борются за право выступить на спартакиаде школьников.

АЛЬБОМ КУРЬЕЗОВ

Понедельник издавна считался первым днем недели. Поэтому и вторник — это второй день недели, четверг — четвертый, пятница — пятый.

Но, оказывается, есть и возражения против этого установленного правила. В латинском календаре, который существует и теперь, понедельник называется «die Saturni», то есть «день второй». Это совпадает и названию среды — среднего дня недели, который делит ее на две равные части, если, разумеется, начало недели считать с воскресенья...

Изобретен еще один «новый» способ создания картин. Ханс Ольсен из Мальмёгера (Швеция) «печатает» свои картины следующим способом: на растнутом полотно покрывает ее специальной краской, он высушивает мелкой щеткой и дождевые черви, Цыплята в поиске за червями оставляют на полотне следы лапок и ударов клювом. В Копенгагене должна состояться выставка этих абстрактных «шедевров».

По данным Нью-Йоркской полиции, только в 1960 году в полицейские участки поступило 17 000 заявлений от женщин, разгневавшихся своих мужей, которые исчезли и их подвизли никаким признакам не оставили. И лишь 13 мужчин разгневали своих пропавших жен.

По сообщению Союза издателей, изданий второй француз не покупает и не читает книг!

В американской армии существует традиция военнослужащих, которому присвоили первое офицерское звание, должен дать доллар человеку, кто отдает ему честь. Американка Ветти М. Девилля рассекретила об истории присвоения офицерского звания ее брату. Офицер высшего ранга, который держал речь перед «неоспециальными» офицерами, закончил ее: «Одал офицерам честь, после чего обещал их с противной рукой. Таким образом он собрал около 200 долларов».

В Японии открыт первый в мире лазарет для рыб, черепах и морских млекопитающих. Десять специалистов лечат там 25-300 особей различных видов. В лазарете имеется хирургическое отделение, работает окулист.

Всем известны привязные ремни, которыми пассажиры пользуются при взлете и посадке самолета. Однако в США эти ремни нашли еще одно применение: ими снабжаются высокие табуреты у стоков в почках Орегона. Ночью вызвано многочисленными велосипедными клиентами, падающих с высоких табуретов после очередной рюмки...

Рисунки И. КЛЕШКО

ДНЕВНИК СПЕЛЕОЛОГА

Сто восемьдесят седьмой день. Вот уже сто восемьдесят седьмой день я сижу один в пещере под землей, среди сталактитов и сталагмитов. На земле, дома — жена, дети... Не знаю, выдержу ли я.

Сто восемьдесят восьмой день. На исходе уже сто восемьдесят восьмой день моего пребывания в пещере. Там, на земле — жена, дети, родственники... Выдержу ли я?

Сто восемьдесят девятый день. Сто восемьдесят девятый день я один в подземной пещере. На земле, в городе показывают новый польский фильм. Выйти из пещеры? Но, может, я все же выдержу?

Сто девяностый день. В полном одиночестве я провела сто девяностый день в пещере. А на земле — друзья, знакомые, приятели, жизнь... Выдержу ли я? Не выдержу!

Сто девяносто первый день. Попел уже сто девяносто первый день жизни под землей, в одиночестве. А на земле по телевизору идет интересная программа... Не знаю, выдержу ли я.

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

Сто девяносто второй день. На земле торжественно отмечают день рождения, банкет... А я сижу здесь один под землей вот уже сто девяносто второй день. Наверно, не выдержу.

Сто девяносто третий день. Поехало сто девяносто третий день моего пребывания в пещере, в полном одиночестве. Давно я уже побил мировой рекорд по продолжительности пребывания под землей. А на земле — жена, дети, родственники, новый польский фильм, приятели, знакомые, друзья, интересная программа по телевизору, торжественное празднование дня рождения, банкет. Выдержу ли я?

Нет, я знаю, что я не выдержу. Оставлюсь в пещере, пока смогу...

Читатели «Смены» уже знакомы с молодым литовским художником ФРИДРИКАСОМ САМУКАСОМ, которого мы представляли в одном из номеров.

Художник активно работает в избранной жанре, и его комический персонаж Микас Редикас полюбился читателям литовского журнала «Швитурис» («Маяк»). Мы предлагаем читателям познакомиться с отдельными страницами из жизни Микаса Редикаса.

ПОХОЖДЕНИЯ МИКАСА РЕДИКАСА

КРОССВОРД

Споемте, друзья!

Отгадывайте по строкам из песен:

Составил Б. ФЕДОРОВ,
г. Москва

По горизонтали:

5. НАЗВАНИЕ ПЕСНИ ПЕРВЫХ ЛЕТ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ:

И в недрах наших мастеровских
Кум, строгаем, рубим,
Не покладая рук стоим:
Мы труд фабричный любим.

6. АВТОРА СЛОВ:

Люди мира, будьте зорче
Берегите мир, берегите мир!

8. КОМПОЗИТОРА:

Все мы все здесь близко,
Все в биографии моей:
Дверь комсомольского
районка.

Семья испытанных друзей.

11. АВТОРА СЛОВ:

Орленок, орленок, иду
Победа борьбой решена.
У власти орлянок одлет
миллионы,
И нами гордится страна.

14. АВТОРА СЛОВ:

В горных ущельях
Звезды загорелись в оне,
Ветер уснул, и уснула тайга,
Только не спится мне.

15. КОМПОЗИТОРА:

Ленин всегда живой,
Ленин всегда с тобой...

16. НАЗВАНИЕ ПЕСНИ:

Потому что нам нельзя
быть без песен.

Потому что мир без песен
тесен.

17. НАЗВАНИЕ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНИ:

Слышу пенье изворона,
Слышу трели соловья —
Это русская сторона,
Это Родина моя.

21. АВТОРА СЛОВ:

Сколько ты подарила
хорошего,
Сколько ты предназначала
дорог!

Долше всех над холмом
загоревшим
Светит в солнечном огне
огонек.

22. КОМПОЗИТОРА:

Здесь, у самой иронии
бортов.

Друга припроеет друг.
Друг всегда уступит готов
Место в шляпке и круг.

23. НАЗВАНИЕ ПЕСНИ:
Беспонойной весной
Вы шумите листвою.

26. АВТОРА СЛОВ:

И до рассвета и до рассвета
Звезда в окно светила мне.
А рядом где-то,
А рядом где-то
Жила девочка на земле.

27. КОМПОЗИТОРА:

Дети разных народов,
Мы мечтаем о мире живнем.
В эти грозные годы
Мы за счастье боремся
идем.

28. КОМПОЗИТОРА:

Потур туман рассеется,
Глянет солнышко ольпть.
Коль не ждате да
не надеяться,
Тан любов не испытать.

По вертикали:

1. АВТОРА СЛОВ:

Ольпть стою на краешке
земля.
Ольпть пльпть куда-то
норабил.

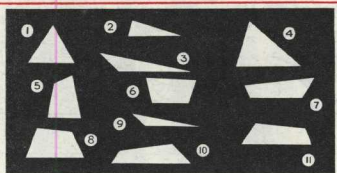
2. КОМПОЗИТОРА:

Далеко-далеко,
За лесами седыми,

Ответы на задачи
«Смена» № 9.

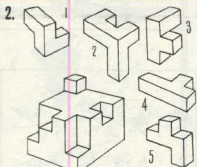
1.

11	38	77
15	35	87
17	69	97
41	69	77
13	30	96
30	48	61
34	30	83
150	300	600
2. 5 кг.
3. 78.

Проверьте свой глазомер.

- а) Какая из фигур имеет наибольшее нижнее основание, а какая — наименьшее?
б) У каких двух фигур эти основания одинаковы?
в) Сравните основания фигур 6 и 11, какое из них больше? Или, может быть, они равны?

Посмотритесь внимательно к пяти пронумерованным кубикам. Некоторые из них входят в размеры большого блока и, заполняя их, образуют сплошной куб. Но один из меньших блоков для этого не подходит. Какой?

3. Попробуйте разделить эту плитку на пять частей, одинаковых по форме и размерам. Учтите, что черный квадрат — дыра.

4. Найдите десять отличий между этими рисунками.

Рисунок В. БЛАНКМАНА

На первой странице обложки: эти девушки занимаются в херсонской спортивной школе № 2. Фоторепортаж «Бадминтон — цветы Днепра» см. на стр. 28—29.

Фото А. БОЧИННИНА

Главный редактор В. И. САМОХИН.

Редакция: К. К. Андреев, В. Н. Ганчак, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, А. Е. Ефремов [ответственный секретарь], К. Н. Заложник, П. Ф. Казаков, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

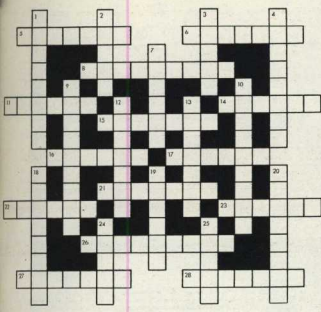
ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок: Д 3-30-87; отделы: литературы и искусства — Д 1-32-84; очерка и публицистики — Д 1-03-31; энциклопедической жизни — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-31-50; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-04-10; фотоискусства и репортажа — Д 3-30-97; информации — Д 3-31-03; оформления — Д 3-28-30.

Художник-оформитель В. Соколов
Технический редактор Н. Вудякина

А 00083. Подписано к печати 29/IV 1967 г. Формат бум. 70х109/8. Печ. д. 4. Усл. печ. л. 3,6. Тираж 1 100 000. Изд. № 008. Заказ № 1197.

Ордена Ленина типография газет «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Красне Родины моей?
Все края земли моей
в расцвете,
Без юнца простор полей!

9. АВТОРА СЛОВ:

Колыхается даль голубая,
На видно нигде берегов,
Мы с детства о море,
О дальних огнях маяков.

10. КОМПОЗИТОРА:

Дульные поляны...
Ночь, как день, светла...
Сли, мор Светлана,
Сли, кам в слава.

12. КОМПОЗИТОРА:

А ну, шактери! А ну, смельчак!
Крепи наверняка!
Мы землю держим на плечах,
И там она крепка.

13. КОМПОЗИТОРА:

Ноль ночи соловьиные,
Цветут кусты жасминные.
И ты, как прежде, идешь
Вударино рыбачью.

18. АВТОРА СЛОВ:

Майскими короткими
ночами,
Отгревни, закончились бон,
Где мы вы теперь,
друзья-однополчане,
Боевые спутники мои.

19. НАЗВАНИЕ ПЕСНИ:

Если тебе одиноко
загрустнется.

Если в твой дом постучится
бара,
Если судьба от тебя
отвернется,
Песенку эту припомни
тогда.

20. НАЗВАНИЕ ПЕСНИ:

Уходили, расставались,
Помнил такой краш.
«Ты мне что-нибудь,
родная,
На прощанье пожелай!»

24. АВТОРА СЛОВ:

И в мирной дали
Наут корабли
Под солнцем родимой земли.

25. АВТОРА СЛОВ:

Не конегары мы,
но плотины,
но сошедший горных нет
как нет!
А мы монганин-выганин
и с высоты вам шлем привет!

Я твой сон и покой
Всякий час берегу...

3. АВТОРА СЛОВ:

На побегу едет
Молодой моряк,
Гудит его в медальки,
Ленты в якорях.

4. КОМПОЗИТОРА:

Ходят, бродят робинзоны
Со своими островами,
Вальх их манят горизонты,
Не пугают расстояния!

7. НАЗВАНИЕ ПЕСНИ:

Где найдешь страну на свете

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали:

5. Маевка. 6. Теннис. 12. Лилль. 13. Мурделин. 14. Казанова. 15. «Бочка». 16. Вылетел. 19. Норвегия. 23. Самопа. 24. Гренов. 25. «Тополь». 27. Парос. 30. Александрит. 33. Хапсалу. 36. Мегер. 38. Вайдаря. 39. Устинова. 40. Люнет. 41. Оберон. 42. Свекла.

По вертикали:

1. Зарядка. 2. Экслюбрис. 3. Вельянто. 4. Сиртама. 7. Непитинг. 8. Ларин. 9. Юлук. 10. Крова. 11. Фрадкин. 17. Теберда. 18. Титова. 20. Ротонда. 21. Ломонос. 22. Гмыря. 26. Станбула. 27. «Пингвинчик». 28. Палакутова. 29. Гауцаря. 31. Вейль. 32. Лувана. 34. Примула. 35. Атолл. 37. Гонг.

Слова Владимира ЛАЗАРЕВА
Музыка Павла АЕДОНИЦКОГО

НЕГРОМКАЯ ПЕСНЯ

Живем в городах высоко над землей,
Далеко к звездам летят этажи,
Но часто нам снится простор полевой,
Нам снится тропинка во ржи.
Зовет нас зеленый простор,
Теряясь в дальних лесах.
Зовет нас в ночное костер,
Где горький дымок на губах.

Припев:

Там звезда, как розинка,
Волга и плесы кругом,
Там начало тех песен, Россия,
Что тебе мы негромко поем.

Качают нас ленты шоссейных дорог,
И нету заботам юнца,
Но вдруг нас отыщет родной ветерок,
Найдет и коснется лица.
И мы в свете городской
Под вечер, а может быть, днем
Вдур вспомним село за рекой,
Где бегали мы босиком.

Припев.

В невидимой смене стремительных лет,
В мелькании будничных дней
Увидишь ты вновь васильковый рассвет
В глазах у подруги своей,
Ну разве ты мог бы прожить,
Когда бы в себе не сберег
Ту самую тропку во ржи,
То поле, то горький дымок...

Припев:

Там звезда, как розинка,
Волга и плесы кругом,
Там начало тех песен, Россия,
Что тебе мы негромко поем.

Мне, журналисту-художнику, приходится очень много ездить по стране. Недавно на Марте моих маршрутов появилась самая восточная точка — Комсомольск-на-Амуре. Здесь меня поразило все и красота природы и вечная молодость этого легендарного города, построенного руками тысяч юношей и девушек. Я старался увести с собой как можно больше из увиденного: палили с рисунками росли с каждым днем. Всего, естественно, показать невозможно, но некоторые свои работы предлагаю вниманию читателей «Смены».

Владимир ХАРЧЕНКО

Паром на Амуре.

ГОРОД ВЕЧНОЙ МОЛОДОСТИ

Порт. Здесь, на этом самом месте, много лет назад высажи валили с парохода «Колумб» перья добровольцы-строители.

Деревообрабатывающий завод. Одно из многих молодежных предприятий.

Будущий город-спутник Комсомольск-на-Амуре — Солнечный. Горно-обогатительный комбинат и рабочий поселок стали одним из первых его районов.

